

Бунты и «активисты» в системе ФСИН

2

Хроника весенних протестов

3

Искусство разжигать маленькие гражданские войны

5

Кто с кем борется, или каста неприкасаемых

19

Амнистия: инструкция по применению

53

Алексей Романов: «В тюрьме я научился защищать свои права»

55

ВЕСТНИК

выходит как приложение
к газете региональных
организаций «За права человека»

Адрес редакции:

129090, г. Москва,
ул. Каланчевская, дом 47, пом. 8.
Тел. 8-495/985-410-37-39
E-mail: info@zashita-zk.org
www.zashita-zk.org

Главный редактор: Лев ПОНОМАРЕВ

В подготовке номера участвовали:

Татьяна ГОВОРУХИНА
Александра ТАРАНОВА
Евгений ИХЛОВ
Надежда РАДНАЕВА
Дизайн и верстка: Pola Lee
Фото на обложке Олега Карганова

«При реализации проекта используются средства государственной поддержки, выделенные в качестве гранта в соответствии с распоряжением Президента Российской Федерации от 17.01.2014 № 11-рп») и на основании конкурса, проведенного ООД «Гражданское достоинство»».

Свидетельство о регистрации ПИ № 77-7092
Распространяется по регионам России,
государственным учреждениям и
общественным организациям бесплатно.

Издатели:

Общероссийское Движение «За права
человека», Фонд «В защиту прав заключенных»

Отпечатано в типографии ЗАО «СТР-Принт»
для ЗАО «АГРОСС»

Тираж 2700 экз. 2015 г. Заказ № _____

Бунты и «активисты» в системе ФСИН

Официальные СДиП существовали в колониях до 2010 года. Само название «секция дисциплины и порядка» означает, что заключённый всем дает понять, что он готов сотрудничать с администрацией. Стать «активистом» – это значит, что, во-первых, человек должен вступить в конфликт с основной массой заключенных. А во-вторых, он должен быть готов выполнять любые поручения администрации.

«Активисты» – это не просто люди-«шестерки», которые хотят выслужиться перед администрацией, чтобы их отпустили по УДО. «Активисты» – это винтики машины унижения и насилия, которая является фундаментом уголовно-исполнительной системы.

Искоренить существование СДиП до сих пор не удалось, поскольку такое положение выгодно слишком многим. Администрации нужны заключенные, руками которых можно делать самую грязную работу, не неся при этом ответственности. Некоторым заключённым (например, осуждённым за половую неприкосновенность) необходимы определённые гарантии по условию содержания. Поэтому «активисты», часто являясь насильниками по своей сути, унижая других людей, получают моральное удовлетворение,

а также хорошие шансы на УДО (и пусть в биографиях разоблачённых педофилов и насильников не удивляют их частые освобождения «за хорошее поведение»). И всем, кроме подвластных «активу» эзков, подобное положение дел очень выгодно.

Когда в начале 2000-х я начинал бороться с системой СДиП, я внезапно понял, что это самые настоящие «капо». Капо, если кто не помнит, называли немецких уголовников, которые в нацистских концлагерях помогали эсэсовцам держать в страхе политических заключенных и вообще всех, кого бросали в лагеря. Затем это название перешло и на тех военнопленных, которые помогали нацистам в лагерях. Эта система власти уголовников над политическими была взята нацистами из опыта первых лагерей

ГУЛАГа, где она и была изобретена на строительстве Беломоро-Балтийского канала и канала имени Москвы и продержалась до смерти Сталина. И оказывается, что, несмотря на все реформы, нынешняя система исполнения наказания в нашей стране в своей основе построена так же, как и немецкие концлагеря, и как ГУЛАГ. И за прошедшие после долгожданной ликвидации СДиП пять лет, в принципе, ничего не изменилось.

Необходимо подчеркнуть, что, несмотря на то, что человек становится заключённым, у него сохраняются все его конституционные права. У каждого должно быть право быть защищённым от унижения. И за реализацию этого права администрация мест заключения отвечает перед государством. Исправительная колония,

как государственное учреждение, должно выполнять свои функции законного (легитимного) насилия только посредством своих сотрудников, которые имеют конкретные обязательства перед государством и не имеют права переступать рамки закона. А если администрация передаёт свои функции зеку, осуждённому за убийство или за изнасилование – это преступление.

Именно деятельность активистов дестабилизирует обстановку и порядок в колонии. Наши общественные расследования многочисленных бунтов, которые происходили и происходят в колониях, показали, что корнем любого массового возмущения является тот беспредел, которые допускали «активисты».

Я борюсь с системой СДиП уже в течение 15 лет. Система очень глубоко

вошла в традиции всех администраций УИК. И, несмотря на то, что руководство колоний всегда убеждает меня, что они продолжают бороться с этой системой, мы видим, что ничего не происходит. Мы регулярно получаем подтверждение того, что «активисты» продолжают издеваться над заключёнными. Последние вспышки массовых возмущений в колониях – яркий тому показатель.

Лев Пономарёв

Хроника весенних протестов

Весной в российских колониях было зафиксировано несколько различных инцидентов, связанных с акциями протеста или массовым нарушением режима.

Нижний Новгород ЛИУ-3

Один человек погиб и полтора десятка были госпитализированы в результате бунта, учиненного сотней заключенных ЛИУ 6 мая. Как сообщил СК, все началось из-за конфликта между двумя группами заключенных. Осужденные устроили массовую драку, подожгли два пожарных поста, поломали мебель и несколько видеокамер наблюдения. В результате беспорядков пострадал 21 осужденный, 15 из них госпитализированы, один человек скончался. Глава региональной ОНК Александр Листиков заявил, что заключенные жаловались на насилие.

Башкирия ИК-2

Два бунта подряд – 10 и 13 мая – произошли в ИК-2 в городе Салават в Башкирии. В первом случае осужденные отказались выполнять «законные требования администрации», избивли представителей лагерного «актива», после чего забаррикадировались в

помещении одного из отрядов и стали требовать ослабления режима, призывая остальных к массовым беспорядкам и погромам, сообщал региональный СК. По сообщениям СМИ, заключенные взбунтовались, «не выдержав издевательств со стороны администрации учреждения». По данным СК, в ходе беспорядков были избиты 23 «активиста», сотрудничавших с администрацией этой колонии. Ситуацию удалось урегулировать «без применения физической силы».

Спустя три дня в этой колонии случился второй массовый бунт: на этот раз более сотни заключенных ИК-2 пытались «помешать следственным действиям» в отношении «подозреваемых в организации массовых беспорядков» 10 мая, они «били стекла, собрались на плацу, часть из них залезла на крышу отрядного общежития», сообщила УФСИН. И в этом случае с осужденными была проведена «разъяснительная работа» без применения к ним спецсредств, подчеркивали в

ведомстве. По этим случаям возбудили два уголовных дела: по ч. 3 ст. 212 («Призывы к массовым беспорядкам») и ч. 1 ст. 321 («Дезорганизация деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества») УК РФ.

Амурская область ИК-2

21 мая более 30 заключенных ИК-2 в Амурской области вскрыли себе вены, протестуя против действий администрации колонии. Инцидент произошел

после того, как в учреждении работали спецподразделения УФСИН. Источники СМИ отмечали, что сотрудники учреждения избивали осужденных. Всего вены вскрыли около ста человек.

Новосибирская область ИК-12

30 мая СК в Новосибирской области возбудил уголовное дело по факту беспорядков в ИК-12 города Куйбышева. Руководство исправительного заведения подозревают в намеренном бездействии: по версии следствия, о бунте надзиратели знали, но не предотвратили его. Драка вспыхнула в ночь на 28 мая – осужденные одного отряда напали на осужденных другого отряда, «причинив им телесные повреждения различной степени тяжести».

Челябинская область ИК-1

Правозащитники Челябинска сообщили о массовом членовредительстве в ИК-1. При посещении колонии членами ОНК, им удалось найти в ШИЗО троих заключенных с порезанными руками. Еще троих осужденных, на применение физической силы к которым поступило сообщение, найти не удалось. По данным правозащитни-

ков, часть из них увезли из ИК-1 в СИЗО-4 г. Златоуста и в СИЗО-2 г. Магнитогорска. Как утверждали заключенные, в практику вновь стали вводиться пытки.

Коми – Карелия

При этапировании осужденных в железнодорожном вагоне из Коми в Карелию 15 человек вскрыли себе вены. Как сообщили во ФСИН, «это был протест против переезда в колонию Карелии».

Иркутская область, Ангарская воспитательная колония

Подростки подняли бунт в ночь с 14 на 15 марта, а днем в колонию был введен спецназ. Как сообщили правозащитники, после избиений большую часть заключенных погрузили в автозаки и развезли в другие исправительные учреждения, в том числе в спецбольницу. По следам событий члены ОНК посетили несколько изоляторов и колоний, разыскивая вывезенных детей. Правозащитникам удалось найти 85 человек. Почти все из опрошенных детей шли на контакт и сообщали о жестоком обращении и продолжительной конфликтной ситуации, сложившейся в колонии.

По материалам СМИ

«АКТИВИСТЫ» В КОЛОНИИ

Секции дисциплины и порядка упразднены с 2010 года. Но проблема «активистов» продолжает оставаться очень острой. Весной в нескольких российских колониях произошли беспорядки. Что их связывает? В качестве одной из главных причин беспорядков и недовольства называют деятельность «активистов».

ФСИН заявляет, что после упразднения СДиПов их нет. Они и не могут говорить по-другому – документально их действительно нет. Знают ли

сотрудники о проблеме? Безусловно, знают. Но либо нет «воли», либо желания. А может, проще делать вид, что этого нет. Да и что уж говорить – для многих конкретных начальников на местах они очень удобны. Вот и получается, как в фильме про Гарри Поттера: активисты – это Те, Чье Имя Называть Нельзя. Они как бы есть, но их как бы нет.

Мы не утверждаем, что они есть везде и повсеместно. Но о том, что они есть во многих колониях, они вносят

дестабилизацию в ежедневную жизнь основной массы заключенных, их руками творится беспредел, они бьют, избивают, насилуют и вымогают с прямого ли одобрения руководителей, или при их попустительстве, свидетельствуют как правозащитники и адвокаты, так и сами бывшие заключенные.

Искусство разжигать маленькие гражданские войны

Сперва – сухие факты. 5 мая 2015 года заключенные ФКУ «Лечебное исправительное учреждение (ЛИУ) № 3», расположенного в Нижегородской области, устроили массовую драку, в ходе которой пострадали более 20 осужденных. Из них 14 человек госпитализированы. 7 мая один из осужденных – 44-летний мужчина – скончался во время операции. Следственное управление Следственного комитета России по Нижегородской области по факту беспорядков возбудило уголовное дело по ст. 321 УК РФ («дезорганизация деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества»). Появилось очень много сообщений, что причиной бунта заключённых-туберкулёзников был невыносимый диктат «актива», действовавшего со всеми полномочиями охраны, но нещадно ими злоупотреблявшего.

Простой вопрос: откуда дисциплинарная секция в колонии через 5 лет после отмены СДИП? Причём ведь не просто отмены, но с официальным заявлением, что СДИП сам стал источником нарушения законности и источником дестабилизации в местах лишения свободы...

Разговор о живучести дисциплинарных секций нельзя вести, не разобравшись в корнях этой сложнейшей проблемы. И начать придётся издалека. Государство, которое не может наладить диалог с сообществами, в которых достаточно велик уровень самоуважения и стремления ко внутренней независимости, начинает вести себя с ними, как империя с непокорными племенами и народами. Один из вариантов имперской стратегии – не просто стравливать племена, но использовать «лояльные» народы против непокорных. Так поступали римляне, придумавшие знаменитую

формулу «разделяй и властвуй» (а сами провозглашали – «римский мир», т. е. потом «восстанавливали порядок»). Так вели себя византийцы, китайцы, британцы... Этот метод перенесли и на сугубо внутреннюю политику. Доходило до смешного. Например, 130 лет назад царские власти очень опасались студентов. Поэтому появилась идея объединить студентов, лояльных властям. Поскольку студентам строжайше запрещалось создавать любые формальные объединения, даже землячества, то в МГУ из лояльных создали – хоровое общество. Пели плохо, но сообщали начальству о «смутьянских» настроениях – исправно.

Но обратимся к заключенным. Веками наказанием за преступления, кроме казней, пыток и телесных наказаний, было лишение свободы. Осужденных продавали в рабство или держали в тюрьмах. Продажу в раб-

ство заменили каторжными работами. Но в XIX веке каторжная работа постепенно почти везде вышла из употребления, замененная выполнением обязательных – часто отупляюще-бессмысленных, вроде распутывания канатов в английских тюрьмах – работ. Заключённые рассматривались как стадо, которое надо сохранить. Для предотвращения передачи криминальных традиций одно время в Америке практиковали запрет на разговоры между заключёнными. Тюремщики стремились избегать побегов и бунтов, они, разумеется, имели осведомителей. «Примерные» заключённые получали шанс на помилование. Существование устойчивой криминальной традиции рассматривалось как неизбежное зло. Тем более что очень популярной была теория Ломброзо о врождённых преступных типах, якобы выявляемых путём антропометрических измерений. Все

авторитарные режимы имели свой процент политзаключённых. Когда их набиралось достаточно, политзаключённых (к ним относились и участники неудавшихся национальных восстаний) и политических ссыльных держали отдельно. Тем более что многие из них были дворянского происхождения или происходили из образованных кругов. Сословные представления были очень прочными.

Всё изменилось с появлением идеологических диктатур, которым пришлось иметь дело с большим количеством политических заключённых. В СССР в двадцатые годы политических сперва помещали в особый концлагерь СЛОН на Соловках (Соловецкий лагерь особого назначения), а потом представителей внутрипартийной оппозиции по решению администрации посылали в особые «политические изоляторы», сегодняшним аналогом которых являются колонии-поселения.

Но потом в СССР началось строительство огромных каналов. В качестве рабочей силы пришлось одновременно использовать десятки и сотни тысяч «каналармейцев» (тогда же появилось сокращение ЗК – заключённый-каналармеец). Тысячи инакомыслящих интеллигентов и оппозиционных Сталину коммунистов, собранные вместе, могли стать огромной социальной «бомбой». И основоположники ГУЛАГа додумались создать аналог армейской «дедовщины», исправно десятилетиями предотвращавшей солдатские бунты в советской, а потом и российской армии. Заключённых поделили пополам. Уголовников назвали «социально близкими», раз они из рабоче-крестьянской среды и страдают от пережитков преступности – «родимых пятен капитализма». Политических назвали «фашистами». Назвать их по традиции Гражданской войны «белыми» было нельзя, поскольку блатной мир категорически отказывался ассоциировать себя с «красными», само это слово считая символом враждебной

государственности. Здесь очень важно отметить, что у подавляющего тех, кого отнесли к блатным, было так называемое «догосударственное» сознание, и государственная власть воспринималась ими как враждебная сила. А тогдашняя власть видела в них туземцев, которых надо цивилизовать. Идеологи советского государства долго и вполне искренне полагали, что развитие социалистических методов организации общества приведёт к поэтапной ликвидации преступности. Они были как миссионеры, несущие туземцам «истинную веру», и поэтому обожали устраивать показное «перековывание» представителей уголовного мира.

Необходимо отметить важнейший фактор: постепенно, особенно после коллективизации и борьбы с церковью, уголовная среда (сейчас говорят – криминальная субкультура) стала последним носителем догосударственного народного сознания. Это блестяще выражено в творчестве Василия Шукшина и песнях Владимира Высоцкого. Тогда же в основном формируется воровской закон, необычайно напоминающий строгие религиозные нормы народов, сражающихся с империей.

В результате политические заключённые оказались полностью под властью уголовников. При этом для уголовников была создана некая система «социальных лифтов». Большие возможности для досрочного освобождения создавал «ударный труд». Но никто не мешал уголовникам заставлять выполнять и перевыполнять свою норму других заключённых. Так впервые в истории человечества тюремная власть сделала ставку на криминальную элиту. В свою очередь, криминальная элита стала как бы альтернативной администрацией лагерей. Этот опыт ужасно понравился нацистам, только пришедшим к власти. В апреле 1933 года они создали первый политический концлагерь – Дахау, в который отправляли без суда, и не для наказания, но якобы для защиты «национал-предателей» (это

было любимое выражение гитлеровцев) от народной расправы. В Германии появился институт «капо» – надзирателей из числа уголовников. Гестапо, в отличие от НКВД, не могло объединить всех своих жертв в одну категорию, хотя всех, кто не был евреем или оппозиционером-католиком, объявляли коммунистами. Пошедшие на сотрудничество с СС немецкие уголовники получили полную власть над другими заключёнными, они были в исключительно привилегированном положении.

Но вернёмся в нашу страну. Гигантское пополнение лагерного контингента бывшими советскими военнопленными и фронтовиками серьёзно изменило внутреннюю атмосферу в лагерях. Теперь считать всех политических «фашистами» уже было совершенно невозможно. Бериевская амнистия 1953 года значительно сократила число уголовников, остался только многосудимый костяк криминального мира. Через три года освободились политические. Растерявшееся министерство внутренних дел значительно гуманизировало условия, ввело систему зачётов (эквивалент УДО). Но тут выяснилось, что единственной реальной властью в лагерях (колониях) стали уголовные авторитеты.

Тогда власть «переступила на другую ногу» – началось стравливание разных групп уголовно-осуждённых, были спровоцированы страшные «сучьи войны». Это было целенаправленное вырезание криминальной элиты руками заключённых. А затем и началось широчайшее распространение дисциплинарных сект.

Современная российская пенитенциарная система унаследовала от советской традицию идеологической борьбы с криминальным миром. Но в отличие от периода социализма, у властей нет явной идеологии, которую можно было бы противопоставить уголовной традиции. Более того, на смену представлению о лояльном советском народе, в котором имеются оступившиеся, появилась противополо-

ложная позиция – об обществе, осаждённом криминалом, и тонкой цепочке правоохранителей, защищающей от сил хаоса. Поэтому ставку начали делать на жестокость. Соблазн использовать «заключённых-надсмотрщиков» велик по понятной причине – самодельные «правоохранители» не скованы законом и могут позволить себе те методы воздействия, на которые не решаются и самые отпетые тюремщики. Финал такого подхода был известен: целый каскад протест-

ных выступлений в диапазоне от массового нанесения себе ранений до масштабных бунтов. В итоге дисциплинарные секции отменили. Но системный подход остался. В одних случаях существование секций пытались продлить любой ценой, даже в виде добровольных пожарных дружин (вспомним студенческие хоры 80-х годов XIX века). Совсем недавно проявилась новая зловещая тенденция – администрация «переступила обратно», вновь, как 80 лет назад, сде-

лав ставку на криминальных авторитетов. Так британские колонизаторы опирались на подкупленных племенных вождей. За поправки авторитеты сами обеспечивают нужное «давление» на осужденных.

Так продолжают тлеть угли лагерной «гражданской войны», разожжённой ОГПУ в начале тридцатых.

Евгений Ихлов,
член редакционной коллегии «Вестника»,
ответственный секретарь Экспертного Совета
Общероссийского общественного
движения «За права человека»

С чего начинается

10 мая в башкирской колонии строгого режима в Салавате (ИК-2) с утра вспыхнул, а к вечеру был подавлен бунт заключенных. Больше 100 заключенных отказались повиноваться требованиям администрации, захватили одно из зданий колонии, избили 23 активиста.

БУНТ

На форумах осужденных и родственников обсуждалось, что бунт был проявлением недовольства результатами амнистии к 70-летию Победы. Один раз эта версия промелькнула в местной прессе, но официальные источники ее не упоминают. СК Башкирии сообщает, что возбуждены уголовные дела по признакам преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 212 УК РФ

(призывы к массовым беспорядкам) и ч. 1 ст. 321 УК РФ (дезорганизация деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества), а зачинщиком признан некий осужденный 30-летний житель Ставропольского края. Он приговорен к 18 годам лишения свободы за такой букет: кража, разбой, бандитизм, незаконный оборот оружия и наркотиков.

А за три дня до этого крупные беспорядки и массовая драка случилась в Нижегородской области в Краснобаковском лечебно-исправительном учреждении № 3. Пострадали больше 20 человек, один скончался. При этом представители ОНК говорят, что жалобы на условия содержания и лечение (здесь содержатся больные туберкулезом и ВИЧ-инфицированные)

стали поступать в апреле, а после слияния двух учреждений (к «красной» зоне ЛИУ-3 добавили «черную» ЛИУ-10 в связи с сокращением и слиянием зон по всей стране) ситуация накалилась. Судя по всему, администрация попытается сделать крайними в этой истории неких Мустафаева и Салова из «блаткомитета» (их сроки – 20 и 25 лет за убийства, разбои и грабежи), однако осужденные и их родственники говорят больше об условиях содержания, несовместимых ни с каким лечением, и, главное, о все тех же «активистах», которые не дают житья простому зеку.

Любопытно, что сама ФСИН не называет события под Нижним Новгородом бунтом, говоря только о массовой драке между осужденными, тогда как в Салавате – да, бунт. В Башкирии предыдущий крупный бунт осужденных случился летом 2012-го, и еще был в Белорецком СИЗО в 2009-м. В Нижнем бунт в Городецком СИЗО случился вообще в конце декабря прошлого года.

Конечно, бунты в тюрьме и на зоне – не редкость, и случаются они везде, такова пенитенциарная природа: когда несколько сотен разных мужчин собирают вместе и запирают на замок, а другие мужчины начинают их охранять, и все происходящее внутри тща-

тельно закрывается от общества, конфликт неизбежен. Об этом написаны тома исследований, сняты голливудские (и не только) блокбастеры – в том числе и по мотивам многочисленных экспериментов с добровольцами из обычных граждан, которые, разделяясь на «охранников» и «заключенных», немедля начинают конфликт. При этом есть системы, которые не хотят ничего в этом менять, – это прежде всего Россия и США, настаивающие на закрытости и военизованности как главных условиях исправления. А есть страны – прежде всего Скандинавия и многие государства Европы, – практикующие большую (Скандинавия) или меньшую открытость и предпочитающие отдавать работу с осужденными гражданским людям. И ситуация с бунтами здесь совсем другая: они действительно редкость. Чем психолог (главный в тюрьмах Европы) отличается от оперативника (главный у нас), объяснять никому не надо.

Обратите внимание, и бунт в Салавате, и бунт в Нижнем Новгороде имеют один общий корень: и там, и там называют активистов в качестве одной из главных причин беспорядков и общего недовольства. А кто такие активисты? Это фактически внештатные сотрудники оперотделов зон, завхозы и дневальные, маленькие

друзья режима, которые – чисто теоретически – призваны помогать следить за порядком, а на практике это стукачи, вымогатели и продавцы насущных услуг: койки на нижнем ярусе, длительного свидания, мобильного телефона. При этом понятно, что здесь они только посредники: услуги на самом деле продает опер, но в контакт с потребителем услуги входит активист как доверенное лицо. Стукачами – окей, активистами – часто становятся не по зову сердца, а по нужде: нет поддержки с воли, а надо бы выжить или пораньше освободиться, получив хорошую характеристику к УДО. Многие ухитряются даже неплохо зарабатывать.

Я однажды присутствовала в зоне буквально накануне бунта. Ситуация была странной: это колония-поселение, где бунты – большая редкость, и там было спокойно. Стояло лето, в колонию прислали спецназ, осужденных выгнали во двор, построили и держали несколько часов на жаре, не давая ни попить, ни пописать. Они терпели, потому что понимали – будут подавлять. И так несколько дней подряд. В итоге стороны разошлись миром. А с чего все началось? Конечно, с оперов. Замначальника УФСИН по оперативной работе налаживал режим в колонии с помощью осужденного хулиганя, которые собирали деньги с осужденных, чтобы их не били. И народ стал убежать – это из поселка-то. Одного поймали, и он написал подробно, почему убежал. Было следствие, актив отправили на перережим, а в зону ввели спецназ. Если было бы наоборот, если б сбежавший парень не стал бороться, – был бы бунт, протест против актива. То есть против главного опера области. Он, кстати, сейчас сидит за крупную взятку – Владимир Трушков, замначальника УФСИН Ивановской области. Поищите таких трушковых в Башкирии и Нижнем, и обрячете. Смотрите за своими операми, прежде чем на зеков пенять.

Ольга Романова, Новая газета

Башкирия: правозащитники подготовили аналитическую справку по ситуации в ФКУ ИК-2

10 мая 2015 г. в ФКУ ИК-2 УФСИН России по Республике Башкортостан произошли массовые волнения, в которых участвовали осужденные численностью около 300 человек. Стоит отметить, что все, принимавшие участие в данных волнениях, были трудоустроены, выполняли режимные требования, предусмотренные Законом, не являлись злостными нарушителями установленного порядка отбывания наказания и в основном характеризовались положительно.

Причиной конфликта послужило наделение администрацией ИУ части осужденных властно-распорядительными функциями в отношении остальных осужденных (т.н. «актив»).

Данные осужденные имели должностные обязанности, это были старшие дневальные, помощники дневальных, каптерщики, различные

«завхозы», и они, используя имеющуюся у них власть, пытались избивать, насиловали осужденных, вымогали у них материальные ценности, заставляя каждого осужденного раз в месяц после отоваривания в магазине колонии сдавать «завхозу» приобретенные продукты питания на сумму от 100 до 200 рублей.

Администрация учреждения никаких мер по противодействию незаконным действиям со стороны т.н. «актива» не предпринимала, более того, всячески поощряла и способствовала развитию данных негативных явлений.

Таким образом, с помощью «актива» администрация держала в страхе основную массу осужденных, запугива-

ла их, принуждая отказаться от своих претензий и жалоб.

Не выдержав данных издевательств, около трехсот осужденных 10 мая 2015 г. в знак протеста вышли на плац и отказались покидать его. Часть осужденных (примерно 20 человек) залезли на крышу строения, в котором располагался жилой отряд № 10, и вывесили плакат «Остановите беспредел».

В результате массовых волнений было выявлено 20 осужденных с явными телесными повреждениями. На данный момент сотрудниками УФСИН предпринимаются меры по намеренному искажению реального положения вещей и возложению ответственности за произошедшее на троих осужденных, не состоящих в «активе» ФКУ ИК-2. В настоящее время эти осужденные этапированы в СИЗО-1 г. Уфы.

В тот же день, 10 мая 2015 г., в ФКУ ИК-2 срочно выехала рабочая группа Общественной наблюдательной комиссии Республики Башкортостан (Галин О.С., Дремина А.А., Булатова З.И. и Дерябин О.В.). После осуществления мероприятий по общественному контролю акция протеста осужденных прекратилась. Многие осужденные согласились рассказать о массовых нарушениях прав человека, «активистском» произволе и беззаконии в колонии. Затем осужденные возвратились в свои отряды, где написали жалобы и обращения на имя председателя ОНК Республики Башкортостан – всего в количестве около трехсот штук.

19 мая 2015 г. рабочая группа, состоящая из двух членов ОНК Республики Башкортостан (Зиля Булатова и

Олег Хетчиков), адвокатов Олега Максименко (Уфа), Романа Качанова (Екатеринбург), Федора Акчермышева (Екатеринбург) и директора Ассоциации «Правовая основа», эксперта Фонда «В защиту прав заключенных» Алексея Соколова, прибыла в ФКУ СИЗО-1 г. Уфа для проверки условий содержания осужденных, прибывших накануне из ФКУ ИК-2, а также для опроса осужденных на предмет выявления нарушений их прав и защиты в административных и судебных инстанциях.

После опроса осужденных стало ясно, что их хотят искусственно сделать ответственными за события 10 мая 2015 г.

Таким образом, администрация ФКУ ИК-2 не только показала свою некомпетентность в выполнении поставленных перед нею задач по надзору за осужденными и их исправлению, а, наоборот, незаконно наделила часть осужденных административно-властными функциями в колонии, тем самым превратив государственное учреждение в организацию, в которой вымогательства, пытки, сексуальное насилие, унижения стали обычным явлением. Между тем республиканское тюремное ведомство также продемонстрировало свое нежелание детально разобраться в происшедшем, исправить существующие недостатки, «перегибы на местах» и, тем самым, обеспечить неповторение аналогичных событий в этой и других исправительных учреждениях Республики Башкортостан.

Выводы рабочей группы:

Вопреки запрету деятельности самостоятельных организаций и наделению заключенных административно-властными функциями, в ФКУ ИК-2 осужденные наделяются прямым либо косвенным образом такими функциями. Данные функции осужденные, будучи асоциально ориентированными в своем образе жизни и поведении, используют для дальнейшего совершения преступлений на территории данного исправительного учреждения. Таким образом, по факту происходит сращивание государственного аппарата в лице сотрудников ИУ с криминальным миром, использование государственным аппаратом его сил, методов и возможностей, тем самым дискредитируя государственную власть, ослабляя ее законные возможности по контролю над спецконтингентом, коррумпируя и, в целом, криминализируя выполнение государственных функций.

К настоящей Аналитической справке были приложены 150 жалоб осужденных, отбывающих наказание в ФКУ ИК-2 УФСИН России по Республике Башкортостан, заявляющих о произволе «осужденных-активистов» и бездействии администрации данного учреждения, УФСИН России по Республике Башкортостан.

Аналитическую справку подписали члены рабочей группы:

Зиля Булатова, член ОНК Республики Башкортостан
 Роман Качанов, адвокат г. Екатеринбург
 Алексей Соколов, директор Ассоциации «Правовая основа»
 Федор Акчермышев, адвокат г. Екатеринбург

«Зачем ты совершал преступление, если ты «Мусор»?»

Об анатомии Секции дисциплины и порядка, а также «актива», в местах заключения

Вот эта фраза в заголовке – это не моя придумка. Это распространенный вопрос в тюрьмах, который «нормальные» заключенные задают «активистам». На зоне не так «западло» быть дневальным, писарем, поломойкой, как «западло» быть «активистом» – экс-приверженцем Секций дисциплины и порядка, упраздненных приказом Минюста в 2010 году. Однако, по сути, приказ этот проблему не решил. СДИП никуда не исчезли – их переименовали, например, в кружки помощи пожарным... И члены таких кружков продолжают сотрудничать с администрацией учреждений пыточных регионов, помогая «перевоспитывать» зеков. В чем состоит суть такого перевоспитания, мы все прекрасно знаем на примере многочисленных бунтов в колониях России.

Глава 1. Уроки Копейска

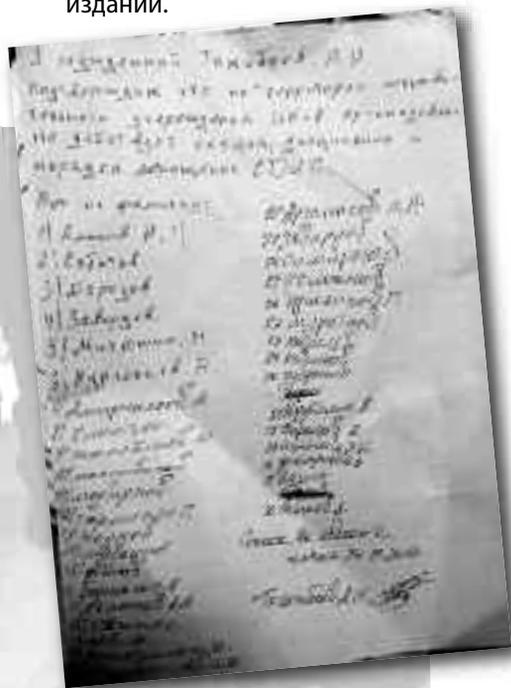
«В колонии № 6 г. Копейска еще в 2011 году я обратила внимание на то, что часть осужденных передвигается без сопровождения администрации, на них надеты “вольные” бейсболки или шапки из натурального меха. Эти люди бросались в глаза – будто это сотрудники, только в робах», – вспоминает член Общественной наблюдательной комиссии по Челябинской области Дина Латыпова. – «Вели себя они нагло: беспрепятственно входили в кабинет сотрудников администрации, открывали ключом двери штрафного изолятора, влезали в разговор с администрацией, отвечая на наши вопросы. Потом мы обнаружили, что и жили они в штабе в прекрасных

“гостиничных” условиях – с компьютерами, интернетом и т.д. Они даже следили за сотрудниками колонии – наверняка и прав у них было больше, чем у рядового инспектора. Мы не спрашивали у администрации, что это за осужденные, но это и так было понятно...».

Ситуация с этими «бросающимися в глаза» зеками, о которых рассказывала Дина, проявилась значительно

позже – в ноябре 2012 года, когда другие осужденные ИК-6 устроили акцию протеста против пыток и вымогательства, о которой узнала вся страна. Я, как помощник депутата, в ту ночь была в колонии, а выходя из штаба, получила в руки от одного из дневальных записку, содержащую неполный список «активистов» колонии, которые так приковывали взгляды челябинских правозащитников – это Ами-

нов Н., Сабитов, Морозов, Заворцев, Митюшин, Нургалиев, Амиргалоев, Синитцен, Жалитинов, Медведев, Саркисян Г., Юсупов, Шувалдин, Добиков, Колодин, Бурнусов, Дейнеко, Угланов, Стяжкин И., Любшин, Рахматуллин И.И., Абдурахимов И.И., Арзомасов, Забаруев, Самирнов, Усманов, Румянцев, Муратаев, Королев, Новиков, Дубронин, Крутилин, Баранов, Ишимов, Дмитриев, Акуло, Беншев и т.д. Такую же записку позже получил корреспондент одного из московских изданий.

Из рассказов бывших осужденных ИК-6 Копейска о том, как действовали «активисты»:

«Дневальный ШИЗО К. всегда участвовал в избиениях заключенных. У него было излюбленное издевательство: когда нас голых подвешивали на решетке медицинского кабинета, примотав к ней руки скотчем, надев на голову «ведро с динамиками», он подходил к нам и начинал бить по гениталиям ремнем», – рассказывает осужденный Н.

«Нас вызвал к себе активист Б. и сказал, что мы обязаны собрать с заключенных по 30 000 рублей, якобы на ремонт. Деньги нужны через неделю.

Начальник колонии № 6 г. Копейск Денис Механов был приговорен к трем годам условно по ст. 285 УК РФ – злоупотребление должностными полномочиями. Но достаточно ли этого за организацию пыток и возвращение жестокого «актива»?!

Если не соберем, то окажемся в ШИЗО. Я отказался – в тот же день меня поместили в ШИЗО, где избили, а потом выкинули в прогулочный дворик, раздетого, под проливной дождь. Там меня держали, пока не прошла прокурорская проверка – прятали. Мне пришлось вскрыться торчащей из забора жестью, весь дворик был залит моей кровью», – из воспоминаний осужденного В.

«Меня подвесили на решетке, под ноги подложили карандаши, стоять было невозможно. На голову мне надели шапку-ушанку с встроенными динамиками, из которого неслись звуки то автомобильной сигнализации, то песни группы «Рамштайн» – все это на полной мощности. Так я висел сутки. После того как я потерял сознание, меня сняли. Дневальный ШИЗО облил меня ледяной водой, чтобы я пришел в себя. Из правого уха у меня текла кровь. Меня принесли в камеру, а он закинул мне красную повязку и сказал, что, когда он в следующий раз придет, она должна быть на моей правой руке. Я смыл ее в унитаз. Через два часа он пришел и спросил: «Где повязка?». Я показал ему на унитаз. Тогда меня выволокли из камеры и стали избивать. Этот дневальный старался больше всех. Я их материл. Очнулся я через пару дней в камере весь черный...», – рассказывает осужденный Г.

Спустя год после описанных событий и произошла та самая акция про-

теста осужденных против пыток со стороны администрации и активистов. Терпеть уже было нельзя... После этого начальник колонии № 6 г. Копейск Денис Механов был приговорен к трем годам условно по ст. 285 УК РФ – злоупотребление должностными полномочиями. Но достаточно ли этого за организацию пыток и возвращение жестокого «актива»?!

Глава 2. Без актива не справляются?

По данным правозащитников, на данный момент в регионах России действует порядка 30 пыточных колоний – в Башкирии, Омской, Нижегородской, Кемеровской и Свердловской областях, Красноярском крае и т.д. В некоторых из них активисты выполняют функции администрации не только в отношении наказания заключенных, но и в плане осуществления их непосредственных обязанностей.

Так, член ОНК по Свердловской области Вячеслав Башков писал в своем блоге:

«7.11.2012 г. при посещении ИК-2, которая находится в центре Екатеринбурга и непосредственно соседствует с ГУФСИН России по Свердловской области, ОНК также зафиксировала сомнительное участие осужденных на КПП внутри учреждения и даже за охраняемой территорией, на въезде в колонию: проезд на прилегающую территорию «охранялся» осужденным,

который один, без сотрудника колонии находился в будке. Увидев видеокамеру, зек испугался и закрылся, а заместитель начальника колонии по воспитательной работе прикинулся «дурачком», заявляя, что в будке никого нет...».

А член ОНК по Свердловской области Ольга Дианова в 2013 году рассказывала, как в этой же колонии «активисты» отвечают на вопросы по личностям заключенных, находящихся в ПФРСИ этого учреждения.

«Мы пошли по жалобе заключенного Терехина. Он рассказал нам, что

отказывается от еды, потому что «активисты» говорят, что в нее помочились. У дверей его камеры постоянно стоит смех, они над ним просто издеваются, – рассказывает она. – Я переписала все фамилии «активистов», после этого они попрятали свои бирки».

К слову, лишь в 2015 году ИК-2 Екатеринбурга заинтересовала следователей и ФСБ. И то после откровенных фото с отдыхающими в шезлонгах, загорающими, или балдеющими в тюремной сауне СДиПовцами. Ради таких прекрасных условий отсидки

они, видимо, готовы не только пытаться, но и маму родную продать.

Эпилог

Мораль этого материала такова: невозможно победить «актив» и пытки, пока само тюремное ведомство и другие заинтересованные лица (даже боюсь предположить, что они имеют с того, что оправдывают жуткое насилие и правовой беспредел) будут прикрывать и поощрять это...

Оксана Труфанова,
журналист-правозащитник

В соответствии с проведенным Иркутской региональной общественной организацией «Сибирь без пыток» мониторингом мы увидели, что после вступления в законную силу в январе 2010 года Приказа Минюста об упразднении СДиП в колониях, по большей части, произошла передача власти из рук заключенных-активистов в руки администрации колоний, что, безусловно, является фактором положительным. Ведь только действующий сотрудник УИС при исполнении может в полной мере установить необходимый и должный уровень законности и порядка, в то время как заключенные-активисты действовали в своих, зачастую корыстных интересах, а также, как правило, использовались администрацией для незаконного давления на других заключенных.

В настоящее время в учреждениях УИС на территории Иркутской области практически отсутствуют колонии, в которых бы были СДиП. Но те необходимые организационные функции по управлению массой, которые ранее выполняли заключенные-активисты в отрядах, продолжают исполнять завхозы и дневальные, а на производстве – бригадиры. Воспитательные функции, делегирование которых стало причиной поправок 2010 года, как и положено, находятся в ведении воспитательного отдела.

Куда же делся творимый ими произвол?

Тут надо отметить, что с вредом, который несли эти секции, мы все же совсем недавно столкнулись в ходе проведения общественного расследования бунта в Ангарской воспитательной колонии.

Как следует из заключения ОНК по данному факту (материалы есть в свободном доступе в СМИ и интернете), хотя юридически СДиП там и не было, но актив колонии в составе около 15 человек фактически исполнял ту

самую воспитательную функцию, использование которой и было причиной упразднения актива в колониях. Как следует из заключения наблюдателей, именно устранение администрации колонии от воспитательного процесса стало плодородной почвой для жестокого обращения с детьми.

В настоящее время, в соответствии с поступившим нам ответом ФСИН России, начальник Ангарской колонии и его заместитель отстранены от занимаемой должности, 20 сотрудников регионального Управления ФСИН

и 8 сотрудников АВК привлечены к дисциплинарной ответственности. А также СК РФ возбудил 2 уголовных дела: одно за дезорганизацию работы учреждения и второе по халатности.

Полагаю, что данные обстоятельства и плачевные результаты произошедших событий, безусловно, подтверждают разумность и обоснованность внесенных в законодательство поправок относительно упразднения «активов» в колониях.

Однако, как сказал поэт, «бывали хуже времена, но не было подлей».

Что же происходит с «активистами», должности которых были упразднены в колониях, после того как они, привыкшие жить в условиях несвободы вольготно, попадают за решетку вновь? На мой взгляд, вина такого рецидива лежит целиком и полностью на порочной практике существования «актива» в колониях до упразднения СДиП. Не привыкшие работать, но привыкшие к легкой жизни за решеткой, такие «активисты» возвращаются в места не столь отдаленные. Но теперь им здесь трудно найти себе место. В глазах других заключенных – это лица, пособничающие администрации, и масса их, соответственно, отторгает. Сами же они ничего делать не умеют, да и, наверное, не хотят, а с учетом того дефицита рабочих мест, который имеется в колониях, перспектива качества жизни при отбытии срока у таких лиц крайне незавидная.

В связи с этим и возникают пресскмеры в СИЗО. Как пример – наше расследование по СИЗО-6 г.Ангарска, в котором невинные граждане подверглись пыткам и истязаниям с целью склонения их к признанию в преступлениях, которых они не совершали. Установлено, что некоторые лица по надуманным основаниям специально направлялись в данное СИЗО для унижений, побоев как самими сотрудниками учреждения, так и работающими на администрацию сокамерниками, лицами, находящимися в СИЗО-6 для «разработки» подследственных путем оказания на них давления через пытки, психическое и физическое воздействие.

И именно таких, попавшихся на рецидиве «активистов» мы и видим теперь в рядах прессовщиков.

В своем новом статусе они уже не состоят ни в каких секциях «актива», а с молчаливого пособничества сотрудников выполняют всю грязную работу по добыче и закреплению незаконно полученных доказательств совершения преступлений, или заставляют только что попавшихся на преступлении давить физически и психически на других заключенных, или заставляют брать на себя то, что человек вообще не совершал. Так мы три года «бились» за беспризорника Владимира Базилевского, на которого следователь «повесил» жестокое избиение бездомного, приведшее к смерти. После задержания Владимир сначала попал в руки оперативников, которые выбили из него признательные показания, потом следователь сфальсифицировал материалы уголовного дела, направив дело в суд, а обвиняемого до суда поместили в СИЗО-1 г. Иркутска в камеру с «разработчиками». В этой камере он пробыл более месяца, подвергаясь жестоким побоям и издевательствам с целью не дать ему изменить самооговаривающие показания в совершении преступления.

Это – крючок. Творя произвол и беззаконие, такие лица вынуждены падать все глубже, потому что, если они окажутся в обычных, бытовых колониях, их неминуемо ждет расправа со стороны тех, кто попадал в их руки или со стороны других заключенных.

Многие из них сидят в БМ (безопасное место) – в местах, в которых содержится заключенный отдельно от основной массы из-за наличия опасности его жизни или здоровью. По нашей информации, в настоящее время таких заключенных (сидящих по БМ), которых из бытовых колоний вывезли в ФКУ ИК-3 г.Иркутска – колонию для бывших сотрудников правоохранительных органов, – около 15-20 человек. Там они в отряде сформировали такой «актив», которого побаиваются даже сидящие в заключении бывшие блюстители правопорядка.

Святослав Хроменков,
председатель ИРПОО «Сибирь без пыток»

Жалобы на насилие и пытки в исправительных учреждениях, поступающие в Фонд «В защиту прав заключенных» – одна из самых многочисленных категорий жалоб. Осужденные жалуются, что подвергаются насилию за отстаивание своих прав, за жалобы, за отказы предоставлять «гуманитарную помощь» и пр. Насилие применяется к ним как сотрудниками учреждения, так и осужденными-«активистами» по указанию первых.

Естественно, мы пишем обращения в органы власти для проверки. Как правило, в ответах из органов власти факты насилия над осужденными со стороны «активистов» не подтверждаются, и звучит фраза, что членов СДиП у них нет, так как есть приказ об устранении секций дисциплины и порядка. Мы им – про пытки и избиения. Они нам – что СДиПа нет. Вероятно, по их логике, если СДиП упразднены юридически, так нет и факта избиений «активистами»?

Вместе с тем, есть определенные противоречия в ответах и информации, публикуемой на официальных сайтах. Так, в связи с последними волнениями заключенных в колониях Нижегородской области и Башкирии на сайтах следственных органах написано:

– Следственное управление СК РФ по Нижегородской области: «6 мая 2015 в вечернее время в жилой зоне ЛИУ-3 Нижегородской области осужденные в нарушение нормального функционирования деятельности учреждения, обеспечивающего изоляцию от общества, применили насилие к иным осужденным, отбывающим наказание в указанном исправительном учреждении из мести за оказанное последними содействие администрации учреждения».

«Хвост или есть, или его нет совсем. Тут нельзя ошибиться!»

– Следственное управление СК РФ по Республике Башкортостан: «10 мая 2015 года в ИК-2 города Салавата... произошла акция группового неповиновения осужденных. Более 100 осужденных отказались выполнять законные требования администрации. **Около 20 осужденных, избив 23 соблюдавших режим активистов в возрасте от 22 до 59 лет, забаррикадировались в помещении одного из отрядов...**».

Следственные органы не поясняют, какое именно содействие оказывают «активистами» администрации учреждения; в то же время, по сути, признается сам факт наличия «активистов» и конфликтной ситуации между осужденными.

Вот такая странная ситуация получается. Мы вроде как и не спорим, что членов СДИП нет, мы об этом и не пишем в обращениях – мы говорим об «активистах». То есть о тех заключенных, которые продолжают исполнять функции СДИП. Здесь суть не в названии, ты их как хочешь назови – «красноповязочники», «активисты», «пожарники», «сдиповцы», – а в том, что они делают по отношению к другим заключенным и какими дополнительными функциями «не на бумаге» они наделяются сотрудниками администрации, или как администрация «закрывает глаза» на их деятельность.

Какая-то ерунда получается – мы пишем об «активистах» с пояснением, чем они занимаются – нам ответ о ликвидации СДИП.

Ситуация с «активистами» напоминает историю с Винни-Пухом: помните его «Хвост или есть, или его нет совсем, тут нельзя ошибиться». Только там – смешно и позитивно, здесь – грустно и жестоко.

В качестве иллюстрации для тех, кто не верит в «активистов». Одна из жалоб на пытки с участием «активистов», поступила к нам недавно от осужденного М. из ИК-1 Республики Карелия, который смог направить ее лишь спустя 2 года. М. пишет:

«26 марта 2013 г. на меня надели наручники и отвели в штаб колонии, где на меня напали сотрудник и двое осужденных из "актива" колонии (В. и С.). Меня сбили с ног, нанесли побои, надели на голову противогаз без системы дыхания и утащили в кабинет, где, продолжая избивать, сорвали брюки и стали угрожать изнасилованием, если я не прекращу жаловаться. Пытались порвать рот, затем подвесили и стали бить током. В конечном результате отвели в кабинет к заместителю начальника по БИОР, где я должен был сказать, что я все понял.

В результате у меня были: перелом ребер, гематомы, кровоподтеки, повреждение коленного сустава. Нормально дышать из-за сломанных ребер я не мог около 3 месяцев. В медицинской помощи и регистрации побоев мне было отказано.

...31 августа 2013 г., после систематических побоев, почувствовав себя плохо, ночью я был госпитализирован

в больницу, где был прооперирован, и при этом имел дистрофию (48 кг) и пневмонию. Поскольку повреждение внутренних органов (желудка) было получено вследствие систематических побоев, скорую помощь вызывать они не стали, а на свой страх и риск повезли меня на полу грузового машины. Операция была оформлена как удаление лимфоузлов.

После моего возвращения из больницы меня бить не перестали, стали пытать растяжками, избивали валенком с тяжелым предметом внутри по голове, а также били руками и ногами по другим частям тела».

М. пишет, что по всем этим фактам он обращался в органы власти (прокуратуру, УФСИН, суд, СО СК РФ, аппарат Уполномоченного по правам человека в РФ и Республики Карелия), однако получал отписки, что нарушений его прав не установлено.

По обращениям, направленным от имени Фонда в следственные органы и органы власти, были проведены проверки, в ходе которых нарушения не были установлены. Происхождение телесных повреждений объяснено падением на скользком полу в помещении душевой – в общем, как обычно в ответах.

В качестве итога – так хочется перефразировать: «Активисты или есть, или их нет совсем». Тут нельзя ошибиться, дорогие наши правоохранители.

Надежда Раднаева,
юрист Фонда «В защиту прав заключенных»

СДИП

вчера, сегодня, завтра

Идея расправы одних заключённых над другими как способ получения требуемого результата – не нова. Этот метод до совершенства отработан в течение многих десятилетий.

И, однозначно, такая практика – не самодеятельность каких-то отдельных начальников ИК, а исключительно «научный» подход со своим теоретическим, методическим и практическим обеспечением.

Если для СИЗО методы насилия одних заключённых над другими применяются в большей степени для утилитарных целей, а именно, в порядке убывания: выбивание явок и признательных показаний, вымогательство денежных средств, вещей и стройматериалов, поддержание дисциплины, – то в исправительной колонии первое – это поддержание дисциплины, на втором месте – вымогательство, на третьем – выбивание явок.

Исследование и сравнение методов работы активистов в разных ИК разных регионов (как бы они ни назывались, на каких бы должностях ни значились и в какие бы одежды ни рядились), показывает, что учились они по одному учебнику, до буквы, до запятой. Слишком выверены и слишком хорошо отработаны методы подавления неугодных, слишком хорошо поставлена система запугивания основной массы заключённых и

сокрытия противоправного порядка управления. Какой-то сбой в работе этой хорошо отлаженной системы происходит очень редко. И только в этих случаях, ввиду эксцесса, факты насилия, пыток, издевательств выплёскиваются за пределы ИК и становятся известны общественности.

Во всех остальных случаях это скрыто от глаз, в образцово-показательных ИК тишина и порядок.

Если сравнивать положения по Кемеровской области сейчас и пятьдесят лет назад, можно сделать вывод, что система живёт и действует.

ЛИУ-16, Абагур-Лесной:

Десять лет назад она была одной из самых тяжёлых в плане зверств СДиП. Ситуация поменялась лишь в 2007 году, но в последнее время также были замечены тенденции возврата к старому.

ИК-40, г. Кемерово:

Очень тяжёлой в моральном плане для осуждённых общего режима была

эта колония. Побывать в своё время мне пришлось и там и там. По особенностям содержания в ИК-40 был снят даже фильм, где в ходе пресс-конференции Кузбасского регионального отделения ООД «За права человека» бывшие осуждённые рассказали, каким изощрённым издевательствам они подвергались (фильм есть в интернете, называется «Сороковой квадрат»). Побывавшие в этой колонии рассказывали, что сразу же, только прибыв этапом, заключённые подвергались психологической ломке и избиению, насильственному принуждению к вступлению в самодеятельные организации осуждённых. В карантинном отделении давление продолжалось – их сразу же предупредили о недопустимости жалоб, разъясняя, что в таком случае они будут переведены в «гарем» (в категорию опущенных заключённых). Во время нахождения в карантине их не выводили на прогулки, они не имели не только личного времени, но даже достаточного времени для принятия пищи, их постоянно морально унижа-

ли, запугивали, избивали. В карантине, совместно с вновь прибывшими, содержались более десятка активистов, числящихся по другому 8-му отряду, которые были наделены полицейскими функциями и выполняли работу сотрудников колонии – ходили в рейды, стояли на постах, участвовали в обысках, обходах, вели учет и регистрацию осужденных, избивали других осужденных в присутствии администрации колонии и по её указанию. Некоторые из вновь прибывших не выдерживали таких издевательств и заканчивали жизнь самоубийством...

Далее методы работы актива ИК-40 были экспортированы в другие ИК общего режима Кемеровской области.

Позднее ситуация в ИК-40 несколько наладилась, но всё равно время от времени происходили эксцессы из-за действий активистов.

Так, в конце октября 2012 года на территории ФКУ ИК-40 в карантинном отделении ИУ из-за жестокого обращения был доведён до попытки самоубийства осужденный Н., который выбросился из окна третьего этажа и сломал позвоночник. Н. письменно изложил обстоятельства, предшествующие его действиям, в заявлении:

«...Нас одели в спецодежду, дали по матрасу и повели в карантин. В карантине нас встретили зеки, которые также были одеты в эту одежду. Я подумал, что дальше всё будет нормально, но это был совсем не конец, всё только начиналось... Это были пять дней ада. В карантине нас сходу начали «убивать». Их было 13 человек. Били за всё подряд, за каждую провинность, каждые 30 минут, каждые 10 минут. В туалет сходить – вот тебе 30 секунд, не успел – «убили» прямо там. Обед - 2 минуты. Я глотал пищу не жуя, так как если ты не успел, то снова тебя «убили»... Заводили в кабинет и там выбивали явки и деньги, при этом лупили по ногам, по рукам, по голове. Ломали жестоко, очень жестоко... И вот под этим натиском, на пятый день, не выдержав, я выпрыгнул

*Сергей Охотин,
руководитель Кузбасского
регионального отделения
ООД «За права человека»,
член ОНК Кемеровской
области*

в окошко, так как надо было крепиться ещё две недели...».

27 декабря 2013 года в карантинном отделении той же колонии активистами убит (упал) осужденный Х. Из ответа зампрокурора по надзору Силантьева В.В. следует, что Х. сам создал конфликтную ситуацию с активистом И. Во время конфликта И. обхватил Х. и повалил на пол, при этом Х. ударился головой об спинку металлической кровати, тогда к нему были применены спецсредства – наручники. К вечеру Х. стало хуже, была вызвана скорая помощь, в 22.45. Х. умер. По мнению прокурора, полученные Х. повреждения никак не связаны с его смертью, наступившей в тот же день.

ИК-5, г. Кемерово:

В феврале 2014 года в карантине осужденному В. активист Г. бейсбольной битой проломил голову за отказ от подписания заявления в дневальные, отчего В. впал в кому. Позднее под угрозой «загнать в гарем», будучи лишённым возможности увидеться с адвокатом, В. написал заявление, в котором указал, что упал сам, разбив голову о деревянный пол, поскользнувшись при попытке пнуть осужденного-активиста.

В апреле 2014 года в карантинном отделении ФКУ ИК-5 г. Кемерово осужденными-активистами при принуждении к подписанию заявления в дневальные был жестоко избит осужденный К. Итог – разрыв селезёнки, доставлен в ЦБ ИК-5, прооперирован. Сотрудники администрации оказали на осужденного давление, принуждая

данного осужденного к отказу от претензий и самооговору, не пропустили к нему и адвокатов. Приехавшему в колонию адвокату начальник колонии отказал во встрече с подзащитным, указав, что последний находится в палате интенсивной терапии.

ИК-22, пос. Мозжуха:

В 2013 году в данном ИК была выявлена система вымогательства активистами денег с осужденных. Вымогательство осуществлялось в 3-м отряде, где была организована специальная группа активистов для выбивания денег, в том числе на «нужды колонии». Группа была даже вооружена определенными предметами для этого – деревянными дубинками, битами, металлическими заточками. Действовала она путём физического насилия и морального давления на осужденных отряда, вынуждая последних обращаться к родственникам с просьбами перевода денег и поставки стройматериалов. В состав группы входили 16 человек, руководили ей четверо осужденных – П., В., Ж., К. Со стороны администрации колонии группу курировали А. и Ш. Часть поступивших от вымогательства средства предназначались на ремонтно-строительные нужды колонии, частично использовались на нужды членов группы. Средние суммы вымогательств составляли 3000 и 5000 рублей и переводились на телефоны 8-961-XXX-55-66 и 8-951-XXX-12-41. В 3-м отряде, где действовала группа, была создана атмосфера страха и угнетения, осужденные отряда постоянно подвергались унижающему человеческое достоинство обращению и физическому

насилию. Деятельность активистов вызывала постоянные конфликты – так, в июле 2013 года получил резаные раны дневальный П., вскрыл себе вены А. Чтобы не допустить выход ситуации из-под контроля, активисты устроили массовое избиение всего отряда – избивали деревянными битами и черенками. В ответ на заявление о возбуждении уголовного дела Следственный комитет ограничился лишь опросом самих лиц, причастных к вымогательству, в возбуждении уголовного дела отказано.

В августе 2014 года в той же ИК-22 по указанию администрации активистами 5 отряда был избит осужденный Б.

Использование активистов для расправы с неугодными администрации осужденными имеет место не только в колониях общего режима, но также на строгом и особом режиме.

ИК-43, Кемеровская область:

24 сентября 2014 года осужденный Ш. был вызван в штаб, где имел беседу с заместителем начальника по БиОР. Поскольку результат беседы не удовлетворил последнего, он вызвал активистов колонии (фамилии части из них известны), которые избивали осужденного Ш., в результате чего он был госпитализирован в центральную боль-

ницу ИК-5 Кемерово с ушибами внутренних органов и сотрясением головного мозга. В тот же день по указанию руководства колонии теми же активистами был избит заключенный-инвалид Т., который в результате нанесенных ему ударов упал и сломал ногу.

ИК-29, Кемеровская область:

18 марта 2014 в отряде №1 возникла конфликтная ситуация между тремя осужденными, в ходе которой осужденный М. получил телесные повреждения различной степени тяжести, (сочетанная травма головы, груди и живота), приведшие к смерти. Начальник колонии в ответ на обращение супруги погибшего утверждал, будто смерть носила ненасильственный характер, дословно: «не истерите, стандартный случай – эпилепсия, спасти не успели». Лишь благодаря настойчивости супруги погибшего была проведена экспертиза и установлено, что полученные М. переломы и разрыв печени не сочетаются с версией начальника колонии. По данному факту Следственным комитетом РФ по Кемеровской области возбуждено уголовное дело по ч. 4 ст.111 УК РФ. В дальнейшем следствием были установлены и задержаны подозреваемые.

На практике все это сводит на нет предполагаемое исправительное воздействие лишения свободы – получается, что одних преступников такое наделение властью развращает, других, попавших под их гнёт, дезориентирует. Чтобы ликвидировать эту систему, когда одни осужденные наделены административно-распорядительными (фактически полицейскими) функциями в отношении других осужденных, требуется выяснить, каким образом насаждается данная система, как и кем эта методика внедряется в систему управления исправительными учреждениями. То, что сокращение численности сотрудников ФСИН было недопустимой глупостью, было ясно изначально. Кроме того, нужны новые нормативные акты, не предусматривающие в штатном расписании ИК должностей для осужденных, а также требуется полный запрет самодеятельных организаций, основанных на насаждении дисциплины. Высокий уровень контроля должен обеспечиваться объективными средствами – стационарными камерами видеонаблюдения и возможностью доступа к видеозаписям в конфликтных ситуациях.

«Активисты, в отличие от других, не запуганы и не смотрят в пол во время наших посещений»

В Свердловской области дислоцируется 37 исправительных учреждений. Из них в половине этих учреждений свирепствуют СДиП, которые превратили в дневальные отряды и пожарные секции. Самое большое количество жалоб на произвол со стороны активистов поступает из ИК-63, ИК-47, ЛИУ-58, ИК-54, ИК-2, ИК-62.

В каждом отряде в этих исправительных учреждениях имеется дневальный и два-три его помощника. Их легко отличить от других осужденных по внешнему виду. Они всегда большого роста, крепкого телосложения, и, в отличие от других, не запуганы, не смотрят в пол во время наших посещений.

Например, в ИК-63 администрация все отдала на откуп т.н. «актива». Они водят других осужденных по территории колонии, проводят обыск и личный досмотр, проверяют и вручают посылки, бандероли, передачи и даже заказные письма. По рассказам и жалобам осужденных находящихся в ИК-63, они отбирают себе все самое

лучшие из посылок и передач, а то, что им не нужно или не нравится – отдают осужденным. Также эти «активисты» по заданию администрации пытаются, избивают, унижают и применяют сексуальное насилие к осужденным, которые не согласны с тем беззаконием, который творится в ИК-63. Активисты ИК-63 общаются с другими осужденными только в оскорбительной форме.

Примерна такая же ситуация с активистами и в других вышеперечисленных исправительных учреждениях.

Светлана Малюгина,
член ОНК Свердловской области,
эксперт Фонда «В защиту прав заключенных»

Алексей Соколов,
руководитель «Правовая основа»,
эксперт Фонда
«В защиту прав заключенных»

Кто с кем борется, или

каста неприкасае- мых

Осужденный Исполкомов (фамилия изменена), отбывающий наказание в ФКУ ИК-12 ГУФСИН России по Свердловской области, стал очевидцем избиения заключенного. Избивали заключенного старший дневальный отряда и его помощник. Это так называемые «активисты» из числа осужденных, которые состоят на различных должностях в колонии и выполняют негласные указания администрации колонии по поддержанию дисциплины и порядка в отряде или в колонии. Простые заключенные таких «активистов» до сих пор называют «эсдэпэшники».

Секции дисциплины и порядка в 2009 году приказом Минюста России были упразднены. Возможно, так и думают в Свердловском тюремном главке. Но упразднены – не значит ликвидированы. Ни для кого не секрет, что администрация колоний до сих пор использует «активистов» для поддержания порядка в колонии, тем самым держа в страхе основную массу осужденных.

Осужденный Исполкомов, увидевший, как «активисты» избивают заключенного, не стал молчать. Пользуясь своим правом на телефонный звонок, он позвонил в ГУФСИН России по Свердловской области и сообщил о происшествии. Уж руководство тюремного главка разберется и прекратит произвол «СдиП-шников», думал осужденный Исполкомов.

Нам неизвестно, разобрались ли в тюремном главке со старшим дневальным и его помощником, которые избивали осужденного, но вот жизнь осужденного Исполкомова резко изменилась.

После звонка в тюремный главк осужденный был привлечен к дисциплинарному взысканию в виде 3 суток ШИЗО, а по окончании штрафных суток был вывезен в другое учреждение за сотни километров от родных и близких. По словам Исполкомова, его даже не вызывали на дисциплинарную комиссию, никто не предлагал ему написать объяснительную и высказаться по обвинению в дисциплинарном нарушении. В камеру ШИЗО ему принесли постановление о наказании, не позволив его прочитать. Ставить подпись в документе, с кото-

рым его не ознакомили, осужденный отказался.

Сидит сейчас осужденный Исполкомов в другой колонии и недоумевает: как так, ведь он прилежно отбывал наказание, родные и близкие навещали его, благо колония располагалась недалеко от дома, собирался на УДО, но только попытался встать на пути «активистов-беспредельщиков», как тут же «заработал» нарушение и дополнительное наказание – этапирование в другую колонию за сотни километров...

У нас в связи с этим возникает два вопроса: во-первых, кто с кем борется в тюремном главке Свердловской области? Во-вторых, неужели «активисты-осужденные» такая уж неприкасаемая каста в колониях?

Ответ на второй вопрос представители ОНК и НКО Свердловской области могут дать утвердительный.

Вот несколько примеров «беспредела» со стороны активистов в Свердловских колониях (*прим.редакции: все материалы есть на сайте Правозащитников Урала pravo-ural.ru*):

ФКУ ИК-46, г. Невьянск. Май 2013 г.
Группа осужденных в знак протеста

против избиения со стороны «активистов» отказалась выходить из отрядов. Таким образом, в колонии вспыхнули массовые неповиновения. Генерал Худорожков признал, что администрация колонии наделила часть осужденных властными полномочиями.

ФКУ ИК-47, г. Каменск-Уральский. Август 2014 г. Осужденный А. был изнасилован «активистами». Со слов осужденного, ситуация в колонии ужасная. Оскорбления, избиения, пытки – это та маленькая часть всего ужаса, через который проходит каждый вновь прибывший в колонию. По данному факту подано заявление в СУ СК России по Свердловской области. Уголовное дело не возбуждено. После ознакомления с материалами проверки правозащитники готовы подавать в суд.

ФКУ ИК-2, г. Екатеринбург. Ноябрь-декабрь 2014 г. Среди правозащитников считается самой жестокой колонией по части пыток. Осужденный рассказал членам ОНК о беспределе, который творят СдиПовцы.

ФКУ ИК-63, г. Ивдель. Июнь 2014 г. На протяжении уже многих лет в этой колонии действуют «активисты». Пытают, насилуют осужденных, но все это остается безнаказанным. В один из приездов членов ОНК осужденный из числа «активистов» решил рассказать все на камеру. После обращения в прокуратуру, ФСИН РФ, СК РФ по Свердловской области, а также после опубликования материала в сети Интернет данный осужденный отказался от своих слов, заявив, что оговорил администрацию колонии и готов понести наказание за клевету.

ФКУ ИК-5, г. Нижний Тагил. Пытки и избиения поставлены на поток не только со стороны «актива» колонии, но и сотрудников данного учреждения. Пристегивание наручниками к отсекающей решетке в помещении ШИЗО/ПКТ на несколько суток – самый изощренный вид пыток в колонии.

На данный момент обжалуются два постановления об отказе в возбуждении уголовного дела по данным фактам.

О наделении властными полномочиями осужденных из числа активистов, которые безнаказанно избивают, насилуют и убивают заключенных, правозащитники говорят уже давно. Неоднократно об этих фактах сообщали генералу Свердловского тюремного главка Худорожкову, но ситуация не меняется. Последний инцидент в ФКУ ИК-12 г. Нижний Тагил, наоборот, показывает, что те, кто жалуется на активистов, подвергаются преследованию, их сажают в ШИЗО, этапируют в другие колонии, их жизнь подвергается опасности.

Члены ОНК и правозащитники Свердловской области таких осужденных берут под свой контроль и при проверке учреждения всегда вызывают и опрашивают на предмет психологического или физического воздействия.

Правозащитники сходятся в одном – пока начальник Свердловского ГУФСИН остается на своей должности, ситуация в областных колониях не поменяется.

«Самая большая болезнь нашего общества – произвол»

Те, кто защищает права осужденных, нередко слышат о наличии в колониях СДиП, «активистов», «красноповязочников». Получая много обращений от осужденных и родственников, полагаю, что в Пермском крае данная секция ликвидирована частично. На данный момент секция видоизменилась, точнее – ее функции стали выполнять так называемые «пожарники». По сведениям, поступающим от осужденных в жалобах, «пожарники» не дремлют в ФКУ ИК-29, ИК-6, ИК-1, ИК-9, ИК-37, ИК-12.

Несмотря на наши обращения, администрации учреждений призывают не верить словам осужденных и освободившихся о том, что «активисты» есть. Но даже если в свидетельствах бывших заключенных не все достоверно, проблема продолжает существовать. Как бы «активисты» ни назывались, сама постановка вопроса недопустима – нельзя перекладывать на заключенных обязанности администрации.

Самая большая болезнь нашего общества – произвол. Именно им при-

крываются попытки любого человека облегчить свои профессиональные обязанности и задачи. Разве администрация тех учреждений, где не вполне все благополучно, исходит из других побуждений? Она просто хочет облегчить себе задачу, и она использует произвол. Это возможно только в силу их безответственности не только нравственной, но и правовой.

В целом, благодаря руководству учреждений, в большинстве колоний Пермского края СДиП закончили суще-

ствование. Скажу больше, благодаря здоровью руководства в учреждениях не унижали, а давали возможность трудиться, выплачивать алименты, помогать детям и родителям. Но в оставшихся учреждениях руководители не только «пускают по миру» заключенных, но и строят быт на членах «пожарных команд», сажают заключенных в ШИЗО, ПКТ, ЕПКТ, СУС. Устрашение, манипуляция, унижение – основа жизни в данных учреждениях.

Нехватка квалифицированных кадров – это самая главная болезнь ГУФСИН России. Именно династии, «правящие» на труднодоступных просторах Родины, передают систему из поколения в поколение. И пока руководство ФСИН не признает проблему, не будет с ней бороться, а будет озвучивать только одну версию бунтов – происки криминальных авторитетов или правозащитников, улучшений не будет.

Мария Андреева, эксперт Фонда «В защиту прав заключенных» по Пермскому краю

О том, есть ли «активисты», продолжают ли они существовать, мы спросили у тех, кто недавно освобожден из мест лишения свободы. Они уже не могут быть подвергнуты давлению, поэтому без страха могут рассказать о том, как обстояли дела в их колониях.

«России не надо выдумывать велосипед. Велосипед уже изобретён»

Четыре года, с 2009 до 2013 года, я отбывал наказание в Ивановской области. В октябре 2013 года меня перевели в ФКУ ИК-6 города Клинцы Брянской области.

По мнению ФСИН, это была образцово-показательная колония. Но какими способами достигалась данная «образцовость»? Опорой и проводником политики администрации колонии был беспредел «активистов», который ревниво скрывался от посторонних глаз под личиной порядка и чистоты.

В колонии культивировалась ненависть, унижение и уничтожение человеческого достоинства. Схема превращения граждан РФ в зверей была проста, но эффективна. В основе лежал принцип «Разделяй и властвуй». Этому и был подчинен инструмент подавления в виде «активистов». Создав им благоприятные условия проживания, максимально улучшенные благами цивилизации, то есть, говоря по-простому, «любой каприз за ваши деньги», администрация их руками организовала полное подчи-

нение заключенных, превратив осужденных в немых рабов.

Одной из причин такой свободы актива, на мой взгляд, была деятельность большой промышленной зоны. Грамотная манипуляция отчетностью по производству и количеству произведенной продукции в совокупности с ее демпинговой стоимостью, при том что зарплата заключенных, если эту подачку можно было назвать оплатой за труд, не превышала 100 рублей, – все это, на мой взгляд, позволяло сотрудникам администрации получать огромную прибыль.

За это администрация позволяла «активистам» многое. Последними на поток было поставлено вымогательство денег с осужденных. Ежедневные оскорбления, унижения и избиения ставили одну цель – превращение людей в безвольных и бессловесных рабов, работающих на плантациях производства во благо сотрудников и «актива». Поверив в полное всеисилие, почувствовав свою безнаказанность, по сути, такие же заключенные били,

пытали, «опускали» других для увеличения суммы вымогаемых денежных средств. Даже убийства стали входить в норму.

Почему до определенного времени простые заключенные терпели произвол «активистов»? Одна из причин – в данной колонии было достаточно просто выйти по УДО. За полную покорность и лояльность к происходящему администрация не чинила препятствий, давала положительные характеристики, поддерживая их в суде. А суд – отпускал. То ли судебный корпус в Клинцах был таким человеческим, прогрессивным и незлобным, то ли администрации как-то удавалось решать эти вопросы – можно только предполагать. Но факт оставался фактом – до 90% отпускали по УДО. Лично я слышал о двух фактах, когда богатые осужденные заплатили, чтобы только попасть в эту колонию и потом выйти по УДО.

Ситуация изменилась в начале 2014 года, когда был назначен новый председатель Клинцовского городского суда. То ли руководство колонии с ним

не договорилось, то ли суд стал «среднестатистическим» в плане УДО. Но итог – судьи начали «резать» досрочное освобождение, как везде в России.

Получается, у заключенных забрали последний стимул терпеть – УДО. И система «поломалась». Заключённые, и так доведенные до отчаяния издевательствами и вымогательствами, поставленные на грань, за которой только смерть, пошли на бунт против «актива». В результате «актив» был вывезен из колонии, а по фактам противозаконных действий администрации колонии и «активистов» был возбужден ряд уголовных дел. Перед управлением УФСИН России по Брянской области стал вопрос: что с ними делать? В одночасье они стали никому не нужны. В итоге в колонии ИК-6 был оборудован специальный отряд – локальный участок, обнесённый сплошным металлическим забором. Повозив несколько месяцев по разным СИЗО области тех «активистов», на которых не были заведены уголовные дела, их поместили в этот своеобразный отряд – БМ (безопасное место). Так и была снята проблема деятельности «актива» в конкретной колонии.

Но остается вопрос – что мешало это сделать раньше? Не доводя ситуацию до предела, до бунта?

Сейчас уже все прекрасно знают, что существуют «красные» и «черные»

лагеря. Если рассматривать вопрос управления лагерями с таким разделением и соблюдения при этом прав осужденных, то здесь совершенно очевидно, что конституционные права осужденных могут быть нарушены и там, и там.

Эта проблема должна рассматриваться в более широком формате, а именно с учетом конституционного права гражданина РФ. Проблема с нарушением прав осужденных, прежде всего, возникает из-за того, что законодательство, регламентирующее порядок и правила отбывания наказания, не приведено в полное соответствие с основным законом России, как не приведено в соответствие с европейскими стандартами, связанными с вопросами порядка и правилами отбывания наказания.

Присоединившись к группе стран с развитой демократией, Российская Федерация ратифицировала ряд международных договоров, в том числе, по вопросу правил и порядка содержания осужденных в местах лишения свободы. Европейские страны стараются по вопросам исполнения наказания придерживаться Европейских пенитенциарных правил.

И России в этом вопросе не надо выдумывать велосипед. Велосипед уже изобретён.

Нашим законодателям просто необходимо привести законы и подзаконные акты, касающиеся исполнения наказания, к Европейским пенитенциарным правилам. И надо давать людям шанс выходить досрочно.

Это необходимо и для реформы системы ФСИН, и для того, чтобы начать реконструкцию тюрем и лагерей. Нужен четкий механизм условно-досрочного освобождения – не задерживать в местах лишения свободы лиц, не совершивших за время отбывания наказания действий, являющихся по характеру уголовными. Если по закону человек может выйти по УДО – его надо отпускать, но не наказывать за совершение незначительных нарушений (незастегнутая пуговица и др.), тем более далекой давности в несколько лет, лишением права выйти досрочно.

Для того чтобы уже сейчас делать шаги в этом направлении, необходимо проводить работу с персоналом исправительных учреждений, судьями и ориентировать их на соблюдение Европейских пенитенциарных правил. Только тогда права осужденных – наших с Вами сограждан, чьих-то внуков, детей, отцов, матерей, родственников, знакомых – возможно, уже в скором времени будут соблюдаться.

Сергей Коротков, 2009-2013 Ивановская область, 2013-2014 Брянская область

«Активисты нужны для того, чтобы общую массу держать в страхе»

Активисты нужны администрации для выполнения грязной работы, чтобы не пачкаться. Роль активистов – ломать психологически. Кто-то вступает в ряды активистов за какими-то благами: за послабление в режиме, за поощрения, за наркотики. Кого-то берут для того, чтобы они «стучали» администрации. И ладно бы стучали про то, что действительно произошло, но, когда им нечего рассказать, они

начинают сочинять всякую ерунду. Для кого-то получение власти в руки становится опорой: это нереализовавшиеся личности, застрявшие в подростковом возрасте, на уровне юношеского максимализма – им нужно самоутвердиться, и администрация даёт им власть.

Во-первых, активисты нужны для того, чтобы общую массу держать в страхе. Во-вторых, это очень хорошая

кормушка, потому что под различными поводами выбиваются деньги на дополнительную «добровольную» гуманитарную помощь.

После формальной ликвидации секций СДиП администрации было очень неудобно терять такую кормушку, и они создали пожарно-боевые расчёты. Есть те осуждённые, которые действительно занимаются пожарной безопасностью. Но если взять числен-

ность пожарно-боевого расчёта, то можно будет увидеть, что до ликвидации СДИП секция пожарной безопасности состояла, к примеру, из 15 человек, а после ликвидации их вдруг стало 115. Спрашивается: откуда они взялись и зачем их столько? Это как раз и есть «эсдэпэшники», которые просто сменили знамя и продолжают заниматься тем же самым.

Чтобы сильно не акцентировать внимание именно на активе, в последнее время стало модным загонять их в ещё большее подполье через миф о криминальных авторитетах. Т.е. сами сотрудники заранее формируют легенду о криминальном прошлом осуждённого. Это фактически такой же активист, хотя его все считают без пяти минут вором в законе. Таких

последнее время стало намного больше. Но это очень дешёвый авторитет.

Приезжий этап всегда бьют без разбору, но не сильно, чтобы не было синяков, но в то же время максимально больно и обидно. Во-первых, для того чтобы запугать, чтобы не было мыслей о противодействии. Первое впечатление – самое сильное: когда человек испугался, в дальнейшем ему будет сложно эту установку поломать внутри себя. С другой стороны, это им нужно для того, чтобы пополнять ряды активистов. Иногда стараются набирать по совершённым им преступлениям. Например, находят осуждённых за преступления против половой неприкосновенности, которые в любой колонии являются непочитаемой кастой – и им гарантируют непри-

косновенность от авторитетов взамен на то, что они будут выполнять указания администрации.

Отношения у активистов с администрацией – замечательные. Душа в душу, не разлей вода, лучшие друзья и товарищи. А отношения активиста с осуждённым зависит от того, что из себя представляет активист. Активисты бывают разные – бывают те, кто просто записался в физкультурно-спортивную секцию, а за это раз в месяц красит площадку. Формально он активист, но за это ему ничего не предъявит. С другой стороны, заключённый не обязательно должен быть активистом, чтобы поступать как мразь.

Василий Андреевский,
«Матросская тишина», Москва, 2002-2005 г.
ФКУ ИК-10, Саратов, 2005-2015 г.

«Активист – это очень подлый человек»

В апреле 2010 году я приехал в ФКУ ИК-1 в Республике Карелия. Я уже был предупреждён о том, что в карантине осуждённых встречают активисты. Месяц я просидел в ШИЗО, потому что не хотел воевать ни с сотрудниками, ни с заключёнными, хотя приходили психологи и говорили, что я не пойду в карантин и меня сразу отправят в отряд. Но при отводе в отряд всё-таки собрались активисты и избили меня. Избили за то, что администрация считала, что я не подчиняюсь режимным требованиям. Второй раз меня избили в другом отряде за то, что я отказался заправлять чужую койку.

Впоследствии я сам слышал, как приезжающий этап избивают в карантине. Сотрудников администрации там нет. Штат активистов в карантине – до 11 человек. И каждый этап они избивают, заставляя выполнять режимные требования: громко делать доклад, уборку, ходить строем. Всё это через избияния. Также и в отрядах. Не особо приветствуется, чтобы водворяли в ШИЗО. Всё решается силами активистов. Если кто-то что-то нарушил, на него даже не пишется матери-

ал, а докладывают старшинам, завхозам и они сами принимают меры воспитательного характера.

Количество активистов зависит от количества людей в отряде. Но активистов очень много, и у каждого своя должность: выводные, дежурные по секции, дежурные по умывальнику, каптёры, бригадиры. Главный активист – это нарядчик, который раздаёт все распоряжения.

Главный метод действия активистов – избияния. Избияния были очень жестокие – я встречал случаи, когда увозили на больницу, отбивали селезёнки, ломали челюсти, руки, рёбра. Мне рассказывали, что до 2010 года в карантине использовали черенки от лопат по известному всем назначению.

Там народ настолько забит, что никто ничего не скажет. По внешнему признаку заключённого можно определить, какие действия с ним произвели, чтобы он в дальнейшем себя никак не проявлял. Поэтому люди ходят замкнутые, в себе, боясь как-то себя проявить, зная, что на них могут выложить весь компромат.

Администрации колонии выгодны такие активисты, потому что любые режимно-массовые мероприятия осуществляются именно руками актива. Администрация ни в чём не участвует. Я неоднократно разговаривал с прокурорами, они говорили: «Ты ничего не докажешь, а мы не видим нарушений, нас всё устраивает».

В качестве привилегий активисты получают свободу передвижения. Им предоставляется возможность звонить каждый день, заниматься в спортгородке, выйти из отряда в любое время и пойти покурить – а у остальных всё по распорядку. Все активисты всегда надеются на УДО.

Но в ряды активистов не всех тянут. Потому что они должны быть с головой, как-никак. По умственным возможностям не все способны руководить, а по моральным качествам не все способны на подлость. Активист – это очень подлый человек. Сортируют людей, выбирают только тех, кто подходит по «моральным качествам».

Дмитрий Чудин,
ФКУ ИК-1, Республика Карелия,
2010-2013 г.

«Заключенные спрашивают разрешения у активиста, чтобы сходить в туалет»

Активисты полностью выполняют всю работу администрации, начиная с карантина. В режимных отрядах заключённые спрашивают разрешения у активиста, чтобы сходить в туалет. Ко мне применялась физическая сила, когда я только приехал в колонию – сломали грудную клетку и рёбра просто с ровного места. Цель – принуждение к порядку и выполнения всех их требований. Например, пишу жалобы, добиваюсь своих прав – они

сразу всё контролируют, смотрят, что я пишу. Когда меня нет, лазят по тумбочкам – тотальный контроль. Если по их приказу отказываться писать жалобу, они применяют физическую силу. После ликвидации секций СДиП все полномочия активистов остались, никуда это не уходит. Они общаются со всеми, смотрят, кто есть кто, и обо всем докладывают администрации.

Оказывается постоянное психологическое давление – всегда пропадают вещи,

продукты питания, портится одежда. Всё время прививают психоз. Первые два года меня каждый день угрожали изнасиловать, всячески обзывали и унижали. Невозможно никому пожаловаться. Когда приезжает какая-то комиссия, они всячески препятствуют появлению жалоб, оказывая давление. Их во всём прикрывает прокуратура. Рука руку моет. Все друг друга знают и все знают, что происходит, просто всё замалчивается.

Евгений Баранов-Кузнецов,
ФКУ ИК-1 Карелия, 2009-2015 г.

«Активисты выгодны администрации»

Активисты выгодны администрации потому, что они приносят деньги, которые получают с заключённых за то, чтобы их не трогали. Платят за то, чтобы в отряде жить было спокойно. За счёт активистов администрация знает абсолютно всё о происходящем в отряде: кто именно чем занимается.

Если ты пожалуешься, тебя отправят в изолятор, и ты всё равно ничего не добьёшься. Жалобы обычно заканчиваются тем, что тебя закрывают, бьют три раза в день и не кормят. Поэтому

все боятся жаловаться.

Активисты могут ходить куда угодно и делать что угодно. В столовой их кормят жареной картошкой и мясом. Администрация помогает получить УДО. Некоторые активисты работают на оперативный отдел, на отдел безопасности, соответственно, когда у них подходит УДО, на кого они работают, те за них ходатайствуют.

У администрации с активистом может случиться конфликт из-за наркотиков. Первые несколько дней он

колется, другие активисты идут рассказывать об этом администрации, но те обычно закрывают глаза. Но когда активист начинает «борщиться», тогда происходит конфликт – его избивают и всё.

Я застал тот момент, когда СДиПы существовали официально, когда их деятельность была в самом разгаре – они делали, что хотели, и им за это ничего не было.

Валерий Чижевский,
ЛИУ-19, Мордовия, 2003-2009

«Активисты делают то, что администрация просто не имеет право делать»

Активист создает такие условия, чтобы осуждённый платил за свою безопасность. Со стороны администрации и активистов происходит постоянный прессинг посредством назначения различных работ и лишений.

При СДиП каждому новому заключённому давали подписывать заявление на вступление в актив, чтобы он не зазнавался и не качал права. Если заключённый не подписывал – на него оказывался физический и моральный прессинг. После ликвидации СДиП ничего не поменялось. «Эсдэпэшников» нет, но есть «козлы».

На самом деле администрация сама боится активистов, но всячески делает им поощрения потому, что они выполняют ту работу, с которой администрация никогда не справится своими силами. Активисты делают то, что администрация просто не имеет право делать.

Но быть активистом ещё не значит быть законченной скотиной. Среди них есть и порядочные. Я знал много ребят из актива, которые приносили больше пользы, чем вреда, и которые были намного порядочнее, чем блатные. Например, один из них вступил в актив

только ради того, чтобы зимой не выходить на работу и не отмораживать себе все пальцы – он был абсолютно нормальным и никого не трогал. А были и те, которые после выхода на волю сразу погибали. Был у нас председатель СДиП – мразь конченная. Вымогал деньги даже за то, чтобы заключённый вступил в актив: люди были готовы платить по 600 долларов – тогда они могли хоть как-то выжить в колонии.

Неважно, «красный» ты или блатной – лишь бы был человеком.

Геннадий Баркаев, ЛИУ-19, Мордовия, 2005-2011

«Зеленая бирка» для актива

Во многих местах ничего не изменилось. Хоть красные повязки и сняли с заключённых, но заключённые эти никуда ведь не делись. СДиП ликвидировали, но, как говорится, ОПГ осталась. Все коммерческие действия идут через активистов. В колониях очень глубоко укоренилось мелкое вымогательство с заключённых и их родственников – вся мелкая бытовая техника, мобильные телефоны, ремонты помещений, всё берется с заключённых и перепродаётся.

Принудительно в активисты никого не записывают, каждый заключённый сам решает, как ему легче жить. В моей колонии избиений со стороны активистов не было. Все драки всегда происходили из-за личных ссор.

Нельзя сказать, что у актива и администрации очень хорошие отношения – активиста при любом удобном случае могут отправить в изолятор, чтобы уговорить его. Сейчас все договорённости между активом и администрацией происходят в устной форме. Никаких договоров, как при СДиП, не составляется. Поэтому активистов часто может ждать неприятный сюрприз – например, в случае с УДО.

После длительного сотрудничества с администрацией вольно-невольно, но выходит так, что активист слишком много знает, и администрации очень невыгодно отпускать его на волю, тем самым способствуя тому, чтобы информация о внутренней кухне

колонии выходила наружу. Поэтому администрация всячески препятствует освобождению активиста по УДО.

Если раньше активиста можно было определить по красной повязке на руке, то теперь отличительной чертой является «зелёная бирка», которая означает, что заключённый содержится на особых условиях – свободный режим передвижения, облегчённые условия содержания. Но понятно, что «зелёную бирку» дают не за порядочное поведение заключённого, как официально считается. Бирку нужно заслужить. Вот активисты за выслугу перед администрацией и получают облегчённые условия содержания.

Василий Гинда, ИК-11,
Мордовия, освобожден в 2015 году

«Просто поменялся опознавательный знак»

Однозначно можно утверждать, что, когда система ФСИН формально ликвидировала СДиП, фактически секция продолжала существовать и совершать те же самые действия по избиению, пыткам неугодных заключённых. В Свердловской области очень много действий со стороны активистов, которые приводят к убийствам.

Когда я находился на больничном, меня лично избивали заключённые, которые выполняли волю администрации ИК-2. В 2013 году был забит до смерти Тархан Картоев, осуждённый по делу о подрыве «Невского экспрес-

са». В 2011 году был до смерти забит Закир Ашурбеков. Об этих случаях много писали СМИ.

Хоть там и поменялся начальник колонии, методы действия гугаговской системы остаются прежними. Раньше всё делалось через СДиП, сейчас всё делают активисты по указанию руководства колонии. Активисты из секции СДиП перешли в секции пожарной безопасности. Они наделены полномочиями по контролю над другими осуждёнными, но только в рамках других секций. То есть просто поменялся опознавательный знак.

В Свердловской области очень много колоний, где «козлы» (которые по жизни являются козлами и отморозками) причиняют пытки тем заключённым, которые неугодны системе. В ИК-2 меня чуть не убили по указанию сверху за то, что я боролся с утверждением законности в отношении себя.

Такие люди готовы мать родную продать за комфортные условия проживания в колонии, особенно те, у кого большой срок. У них нет никаких моральных принципов.

Тимур Идалов, ИК-2,
Свердловская область, 2010-2014

«В мужских колониях активистов нет»

В колониях Самарской области СДиПшников, в старом понимании, нет вообще. Ни повязок не осталось, ни вышек – там сейчас сидят сами сотрудники колонии. Активисты как таковые – завхозы, председатели других секций – остались в женских колониях. В мужских колониях активистов

нет. В 2008 году в ИК-6 из-за сильного давления администрации на заключённых случился бунт, в котором был убит один из активистов. После этого случая пошло смягчение режима. Очень важна поддержка с воли, если она есть, то лагерь выдерживает давление.

Все бунты, проходящие в колониях, связаны с беспределом, которые устраивают активисты. Активисты в их старом понимании – когда администрация даёт добро и на всё закрывает глаза.

Олег Хлыстов, Самарская область,
освобожден в октябре 2014 года

Активисты в колонии. Мнение адвоката

Прокуратура лишена возможности найти доказательную базу

Активисты – это люди, которые активно помогают администрации колонии в осуществлении определённых функций. Администрация использует активистов как для легальных целей, которые предусмотрены законом, так и для нелегальных целей в отношении остальных заключённых – чтобы самой руки не пачкать.

Например, в одной из колоний Российской Федерации руками активистов осуществлялись жестокие пытки. У меня есть запись, где один из заключённых рассказывает, как он несколько лет под руководством администрации подвергался пыткам и истязаниям других заключённых. Администрация выдавала ему наручники, дубинки и форму сотрудников колонии. Этот случай получил известность, т.к. заключённый сам разместил данную информацию в СМИ. В 2014 году было возбуждено уголовное дело по этому поводу, но до сих пор никто к уголовной ответственности не привлечён, в том числе этот осуждённый. Его показания о том, что сотрудники колонии способствовали всему этому – оставлены без внимания.

Есть ещё один вопиющий случай, который произошёл в лечебном уч-

реждении Владимирской области. Там одного осуждённого привели в психиатрический стационар, в котором завхоз и трое санитаров в течение нескольких месяцев подвергали его пыткам: привязывали электрические проволоки и провода к его рукам, ногам, половому члену и пытали его электрическим током, вынуждая написать явки с повинной. Через три месяца пыток он всё подписал. В настоящее время администрация пугает всех осуждённых этим лечебным учреждением: обещают отвести туда любого, кто не выполняет их требования. В течение года мы пытаемся возбудить уголовное дело в отношении данных пыток: у нас есть и фотография и показания. Как недавно выяснилось, пропали медицинские документы с описанием причинённых осуждённому телесных повреждений,

Валерий Шухардин, адвокат, эксперт ООД «За права человека» и Фонда «В защиту прав заключенных», член Общественного Совета при прокуроре города Москвы

поэтому следственный комитет не может произвести экспертизу, чтобы возбудить уголовное дело.

Прокуратура фактически лишена возможности найти доказательную базу всех противоправных действий, т.к. всё происходит завуалированно. Даже в случае применения физического насилия сотрудники колонии оформляют материал, что якобы они применили насилие к осуждённому в связи с тем, что он напал на сотрудника, не подчинялся законным требованиям. Поэтому получается, что всё в рамках закона.

Законопроект

Законопроект о пересчете сроков предлагает засчитывать каждый день, проведенный заключенным в СИЗО,

Рассмотрение законопроекта «день за полтора в СИЗО» перенесли на осень

за полтора дня колонии общего режима и воспитательной колонии и за два – колонии-поселения. Для заключённых колоний строгого и особого режимов сокращения сроков не предполагается.

На сбор поправок ко второму чтению проекта было отведено 30 дней (он должен был закончиться в марте), но подготовка инициативы застопори-

лась – проект оказался связан с готовившимся проектом амнистии к 70-летию Победы, сказал «РБК» собеседник в комитете Думы по законодательству. Оба проекта предполагают увеличение нагрузки на суды – из-за большого количества освобождаемых людей, пояснял источник.

Сама амнистия продлится до октября.

По материалам «РБК»

Один человек (С.А. Хмелёв) попал в колонию (ИК-17 г. Пугачева Саратовской области). Неважно за что, неважно как. Попал и попал. И ему в этой колонии зимой стало холодно. Он поддел под арестантскую робу тоненький спортивный костюм (кстати, разрешенный в этом учреждении). Сотрудники колонии увидели такое безобразие и заставили его джемперок снять. Но человеку было холодно, поэтому он начал жаловаться. Тогда сотрудники посоветовали ему жалобы свои все отозвать и вообще не будить лихо. Но человек не понял.

Тогда сотрудники нанесли человеку травмы, которые позже в тюремной больнице Саратова были диагностированы как перелом носа, перелом 3 ребер слева, повреждение левого легкого, образовавшееся в результате прокола ребром, а также разрыв кишечника.

По возвращении человека из больницы сотрудники попросили его написать заявление, что он не имеет к ним никаких претензий, а все повреждения получил, упав с лестницы. Человек опять не понял.

Тут как раз подошел срок рассмотрения его жалобы по делу в Саратове, поэтому человека перевели в СИЗО Саратова. А в СИЗО его посетил не кто-нибудь, а сам начальник ГУФСИН по Саратовской области генерал А.В. Гнездилов.

Подопечные генерала Гнездилова продолжают «падать с лестниц»

Вся изложенная ниже история стала известна из обращения адвоката героя публикации в Фонд «В защиту прав заключенных».

*Надо отметить, что у Гнездилова богатая биография. В частности, он покинул пост начальника ГУФСИН по Саратовской области после того, как было доказано убийство сотрудниками одной из колоний Саратовской области заключенного Артема Сотникова в 2012 году. Как мы видим, это нисколько не помешало Гнездилову через пару лет вернуться на свое место.

Так вот генерал Гнездилов, начальник УФСИН по Саратовской области, сам лично доложил человеку Хмелёву, что все доводы его жалобы на избивание проверены, все они ложные, и поэтому пусть не выдумывает, а возвращается обратно в свою колонию ИК-17 и прекратит выпендриваться.

Человек вернулся обратно в ИК-17, где его даже посещал следователь, проводивший проверку по его заявлению. Следователь пообещал ему прийти последний раз 26 мая, чтобы закончить проверку. Но 26 мая вместо следователя к человеку при-

шли «активисты» («активисты» – заключенные, по неформальной договоренности с администрацией колонии выполняющие управляющие функции) и сделали человеку следующее предложение. Или он пишет отказ от жалобы и заодно заявление с просьбой привлечь его же самого к уголовной ответственности за ложный донос (ноу-хау, раньше требовали только отказа от жалобы), или же его изнасилуют, а затем поместят в особую камеру для «опущенных». На размышления было ему дано 5 минут.

Конечно же, человеку ничего не оставалось, кроме как написать все, что требуется. Естественно, после этого следователь с чистой совестью все проверки свернул.

А Хмелёв 1 июня 2015 года объявил от отчаяния голодовку, требуя личной встречи с прокурором по надзору Саратовской области Бровкиным.

Лев Пономарев,
блог на Эхо Москвы

Новгородская область: Осужденный отказывается от лечения в ЛИУ-3

В марте 2015 года Фонд «В защиту прав заключенных» обратился осужденный П. и сообщил, что он является инвалидом 2 группы, имеет заболевание туберкулез легких в стадии распада. Но в ФКУ ЛИУ-3 ему не оказывают надлежащей медицинской помощи – в колонии отсутствуют квалифициро-

ванные специалисты, отсутствует бронхоскопический кабинет и кабинет для приема больных. Осужденному не выдают вспомогательные медикаменты, необходимые при приеме противотуберкулезных препаратов. Ему также не назначается постельный режим, несмотря на то что он из-за

приема сильнодействующих препаратов периодически падает в обморок.

Ранее П. направлял жалобы в ФКУЗ МСЧ-53 ФСИН России. После проведенной проверки осужденному был дан ответ, что ему был назначен препарат «гепотопротектор-фосфоглив», который он не получал.

Из-за отсутствия вспомогательных препаратов осужденный был вынужден отказаться от туберкулезного лечения.

Сотрудниками Фонда были направлены жалобы в прокуратуру и УФСИН России.

3 апреля 2015 года в Фонд поступил ответ из прокуратуры по надзору за соблюдением законов в ИУ, в котором сообщается, что 2 декабря 2014 года П. был консультирован хирургом МСЧ-78, в связи с чем было назначено хирургическое лечение – стабилизирующая торакопластика, однако оперативное вмешательство своевре-

менно не произведено. 3 марта 2015 года прокурором направлено исковое заявление в Новгородский районный суд с требованием обязать ФКУЗ МСЧ-53 ФСИН России провести осужденному П. стабилизирующую торакопластику. На данный момент заявление находится на рассмотрении.

О. Михненко,
эксперт Фонда
«В защиту прав заключенных»

Пермские круги ада

Обращение к членам ОНК Пермского края

21 апреля 2015 года я оказался в поселке Ныроб Пермского края. Пасмурный день, весь день моросило. Кругом мокрые серые дома, люди в серых одеждах. Гармония – люди в ладу с природой. И приехал я не по праздничному поводу.

Пензенский правозащитник Юрий Гайдаржи попросил меня помочь в посещении осужденных, подавших ему многочисленные жалобы.

Лично я обработал около пяти десятков заявлений осужденных, отбывающих наказание в ФКУ ИК-11 ОИК-11 ГУФСИН России по Пермскому краю. В них – боль и страдание, недо-

умение от происходящего с ними, выраженное обидными фразами от понимания привычности несправедливого обращения с ними. Читаю эти заявления, и с каждым прочитанным становится все страшнее и страшнее – только за последние полгода умерло пять человек в туберкулезном отделении ИК-11.

Краткие фразы описывают пермский круг ада, еще не нашедший своих современных Данте и Шаламова:

«80 человек больных туберкулезом, половина тяжелобольные, палаты переполнены, в одной из палат на 12 квадратных метрах лежат 6 больных. В

палатах постоянный запах фекалий, сырость из подвала, затхлость, угловые стены холодные, рамы прогнили, часть окон застеклена ломаными кусочками стекла, сквозняк. Единственное развлечение – мыши.

Обыкновенное питание – разваренная сечка, иногда не до конца. Диетпитания нет, дают иногда, но редко. Один из осужденных так и написал, что с момента своего приезда не видел творога.

При этом проблема с посылками и передачами. Часть продуктов администрация колонии внесла в свой список запрещенных для передачи. Одновременно осужденные лишены возможности потратить деньги со своего лицевого счета на покупку продуктов и товаров первой необходимости, так как больные не могут пользоваться магазином.

Нельзя быстро перевести деньги на волю, затягивают до месяца. Проблема с получением посылок, отправлением писем.

Зимой холодно, батареи плохо греют.

С прошлого года два десятка осужденных не могут вставить зубы. Приехал стоматолог, вырвал зубы и подготовил для протезирования. В следующий свой приезд врач отказался заниматься протезированием, так как администрация колонии якобы запретила ему. Осужденные не могут пережевывать твердую пищу. В результате – расстройство желудка, гастрит, язва.

В отделении нет прожарочных шкафов. Нет врачей-специалистов, например, уролога. Осужденный испытывает постоянные сильные боли. Реакции врачей нет».

Это краткое описание жалоб осужденных. Для проверки надо встретиться и с ними, и с администрацией. Но, как всегда, на мои заявления о предоставлении свиданий с осужденными ответ один – мы не даем разрешения, езжайте в Пермь, ГУФСИН разрешит – и мы разрешим. При этом тюремщики даже не хотят поговорить о положении осужденных – не ваше, мол, дело.

На другой день в Ныроб приехали представители аппарата УПЧ РФ. Как мне передали, в колонию пустили только одного из них, бывшего тюремщика. Второй сотрудник аппарата имеет правозащитные корни – его не пустили. Посмотрим на результат.

А теперь у меня вопрос к членам Пермской ОНК: если у вас нет возможности посещать колонии, то ответьте открыто – почему? Если нет денег, откройте счет и люди соберут вам деньги на поездку. Если нет желания работать, то уйдите из ОНК сами. Если вы действительно честные и хорошие правозащитники, как вас рекомендуют отдельные знакомые мне коллеги, то не делайте видимость работы, работайте!

Я, член ОНК Республики Мордовия, испытываю проблемы с посещением колоний, которые, кстати, вряд ли отличаются от пермских. За прошлый год удалось посетить только три. Мог бы и больше, но не так просто найти напарника: два официальных мордовских правозащитника фактически не участвуют в работе ОНК, остальные члены пришли в комиссию «по призыву партии». Но я рад и тому, что иног-

да удастся с ними посетить места принудительного содержания.

По двум колониям в наших заключениях указано про недостаточность жилой площади. А ставили ли вы вопрос о жилой площади в ИК-11, о бытовых условиях? В 1989 году я лежал в ожоговом отделении. Так получилось, что в мае-июне 1989 года был страшный наплыв ожоговых больных. Все палаты были забиты, лежали в коридорах. Но через месяц все рассосалось. Поэтому я могу представить ситуацию, когда в битком набитой комнате лежат тяжелобольные. В ИК-11 в таких условиях больные лежат годами!

Так жить нельзя. Или можно? Жду ответ.

Сергей Марьин,
эксперт ООД «За права человека»
и Фонда «В защиту прав заключенных»,
член ОНК Республики Удмуртия

Ульяновская область: в СИЗО-1 обвиняемую поместили в одну камеру с больной туберкулезом

В марте 2015 года Фонд «В защиту прав заключенных» обратился отец обвиняемой Е. и сообщил, что по прибытию в СИЗО-1 Е. была помещена в одну камеру с обвиняемой, имеющей туберкулез. Затем она была переведена в одиночную камеру, ей были про-

писаны лекарства для профилактики туберкулеза. Однако обвиняемой до сих пор не сообщают о наличии у нее каких-либо заболеваний и не направляют в медицинское учреждение для проведения обследования.

Сотрудниками Фонда были направлены жалобы в прокуратуру и УФСИН России по Ульяновской области с просьбой, чтобы осужденная была обследована и ей был поставлен диагноз.

13 апреля 2015 года в Фонд поступил ответ из МСЧ-73, в котором говорится, что при проведении проверки были выявлены нарушения со стороны медицинских работников МЧ-8 при покамерном размещении. Виновные в допущенном нарушении сотрудники будут привлечены к дисциплинарной ответственности.

Собкор

Статистика

Забайкальский край: семь осужденных скончались от тяжелых заболеваний за первый квартал года

В первом квартале текущего года в исправительных учреждениях Забайкальского края зарегистрировано семь случаев смерти осужденных, связанных с тяжелыми заболеваниями.

Основными причинами наступления таких смертей являются злокачественные новообразования (рак внутренних органов), СПИД, туберкулез и острая сердечно-сосудистая недостаточность. За аналогичный период прошлого года скончалось 8 осужденных.

По каждому факту смерти осужденных проводятся проверки по установлению признаков ненадлежащего оказания медицинской помощи, которое привело к их смерти. Так, к дисциплинарной ответственности привлечены начальник и врач-терапевт ФКУЗ МСЧ-75 ФСИН России по Забайкальскому краю.

Источник: Забинфо.ру

Мордовия: в ИК-11 больной ВИЧ-инфекцией не получал ВААРТ-терапию

В марте в Фонд «В защиту прав заключенных» обратилась мама осужденного М., отбывающего наказание в ИК-11 Республики Мордовия, и пояснила, что у сына ВИЧ-инфекция, стадия вторичных заболеваний 4А, фаза прогрессирования без приема ВААРТ.

М. не получает ВААРТ, поскольку в августе 2014 г. отказался от терапии, опасаясь мутации вируса в случае

несвоевременной выдачи медицинских препаратов в ИК-11.

В настоящее время состояние здоровья М. ухудшилось, у него держится повышенная температура тела, он испытывает постоянную вялость и быстрое утомление. Он связывает это со снижением иммунного статуса и принял решение о необходимости принимать ВААРТ, о чем поставил в

известность медицинский персонал ИК-11.

Сотрудники медсанчасти обещали М., что ему будет предоставлена консультация врача-инфекциониста, будет назначена терапия. Но когда в колонию прибыл врач-инфекционист, заключенный просто к нему не был вызван.

От имени Фонда было направлено обращение в УФСИН Мордовии.

В апреле был получен ответ, что с целью решения вопроса о назначении ВААРТ-терапии М. записан на прием к врачу-инфекционисту на 16 апреля 2014 г.

Собкор

В феврале 2015 г. в Фонд «В защиту прав заключенных» поступило обращение от осужденного М., отбывающего наказание в ИК-1 Республики Карелия.

М. сообщил, что в марте 2013 г. он прибыл в ИК-1 Республики Карелия из Республики Коми и сразу же был водворен в ШИЗО по надуманным основаниям, затем был избит в штабе колонии двумя осужденными «активистами».

М. пишет, что ему надели на голову противогаз, избивали, пытались порвать рот, применяли пытку электрическим током, сорвали брюки и угрожали изнасилованием, если он не прекратит писать жалобы (прим.: отбывая наказание в Республике Коми, М. обжаловал незаконные действия сотрудников колонии). Затем доставили в кабинет заместителя начальника по БИОР, где М. должен был доложить, что он все понял, т.е. жаловаться больше не будет.

В результате избиений М. имел следующие телесные повреждения: перелом ребер, гематомы головы, тела, кровоподтеки, синяки, ссадины. В оказании медицинской помощи, а также в фиксации побоев М. было отказано. В медицинскую карту было занесено только наличие синяка в области почки, а происхождение травмы объяснено падением.

Карелия: здоровье и безопасность заключенного вновь находятся под угрозой

В дальнейшем М. неоднократно подвергался пыткам «растяжкой», также его били по голове валенком, внутри которого находился тяжелый предмет. В избиениях принимали участие как осужденные, так и сотрудники колонии. В знак протеста М. объявлял голодовку.

31 августа 2013 г. он, изнеможенный голодовкой (дистрофия, вес 48 кг) и постоянными побоями, был госпитализирован из ИК-1 в больницу г. Медвежьегорск – на полу кабины грузовой машины. В больнице М. был прооперирован желудок в связи с повреждением внутренних органов в результате систематических избиений. Но операция была оформлена как удаление лимфоузлов.

По этим фактам М. обращался в органы власти (прокуратуру, УФСИН, суд, СО СК РФ, аппарат Уполномоченного по правам человека в РФ и Республики Карелия), однако получал отписки, что нарушений его прав не установлено.

По изложенной информации от имени Фонда «В защиту прав заклю-

ченных» были направлены обращения в различные ведомства с просьбой провести проверку данной информации и при наличии оснований возбудить уголовное дело по факту совершения сотрудниками ФКУ ИК-1 УФСИН России по Республике Карелия действий, явно выходящих за пределы их полномочий, с применением насилия и причинения вреда его здоровью и повлекших существенное нарушение прав М.

В апреле в адрес Фонда поступили ответы из СУ СК РФ и прокуратуры Карелии. Как оказалось, у М. подтверждено только наличие кровоподтека в области левого бока, которое зафиксировано в документах ИК-1 26.03.2013 как результат удара левым боком о скамью при падении на скользком полу в помещении душевой. Названные М. свидетели, будучи опрошенными, причинения ему телесных повреждений сотрудниками учреждения не подтвердили.

Таким образом, факт применения физической силы и истязаний в отношении М. не нашел своего подтвер-

ждения, а его здоровье и безопасность вновь находятся под угрозой.

В Фонде накопилось уже столько подобных ответов о «падениях» с вариациями, что встает вопрос - а не эпидемия ли «падучей» в колониях?

– перелом костей левой голени осужденный К. из ИК-2 Томской области получил, споткнувшись и упав на левую ногу. Объяснения самого осужденного, что указанное повреждение

он получил в результате удара ногой одного из сотрудников, естественно, не нашли своего подтверждения. Это ответ прокуратуры Томской области.

– осужденный Б. из ИК-11 Мордовии поскользнулся и упал на пол, при этом левой стороной туловища ударился об раковину. В связи с чем селезенка разорвалась и впоследствии была удалена. Таков ответ заместителя Дубравного прокурора.

– осужденный Ц. из Копейска Челябинской области спускался по лестнице, где поскользнулся и покатился вниз спиной, получив при этом телесные повреждения. Это ответ из следственного отдела по городу Копейск, в январе 2014 г.

И это – только малая часть ответов из проверяющих органов.

Надежда Раднаева,
эксперт Фонда «В защиту прав заключенных»

В Ивдельской колонии к приезду правозащитников выключается электричество

28 мая 2015 года состоялась правозащитная поездка экспертов Фонда «В защиту прав заключенных» и членов ОНК Свердловской области Ларисы Захаровой и Светланы Малюгиной в г. Ивдель Свердловской области.

Правозащитники хотели проверить осужденных, находящихся в ЕПКТ и одиночных камерах ФКУ ИК-63 ГУФСИН.

Через полчаса после приезда общественниц в колонии сразу погас свет. Свидание для проведения юридических консультаций так и не было предоставлено, из руководства колонии

никого в штабе не было, и какова судьба заявлений экспертов Фонда «В защиту прав заключенных» – так и осталось неизвестным.

Все это, по мнению правозащитников, было совсем не удивительно и являлось умышленным препятствием для их недопуска к шестерым осужденным, которым они хотели оказать юридическую помощь.

По данному факту Лариса Захарова написала заявление в следственный отдел по г. Ивдель, которое ей так и не удалось зарегистрировать, так как в вечернее время уже никого из сотрудников СО СУ СК по г. Ивдель уже не было.

Пришлось заявление опустить в ящик для заявлений и обращений граждан в коридоре здания.

Источник:
«Правозащитники Урала»

В Фонд «В защиту прав заключенных» обратился Б., освободившийся 3 марта 2015 г. из ФКУ ИК-5 УФСИН России по Липецкой области, который рассказал, что с 5 марта 2014 г. по 2 марта 2015 г. он был трудоустроен в ФКУ ИК-5 сварщиком, однако за указанный период времени заработную плату не получал.

Кроме того, Б. получал пенсию по старости, из которой, по его мнению, неправильно производились удержания – свыше фактических затрат на его содержание в исправительном учреждении.

По жалобе Б. от имени Фонда были направлены обращения в ФСИН России и прокуратуру Липецкой области.

Липецкая область: в ИК-5 заключенный получил за неиспользованный отпуск 9 рублей 73 копейки

В апреле был получен ответ из ФСИН России. Проверкой установлено, что в мае, июле 2014 г. и марте 2015 г. на лицевой счет Б. в нарушение части 3 статьи 107 УИК РФ зачислено менее 50% начисленных заработной платы и денежной компенсации за неиспользованный отпуск, а именно – 9 рублей 73 коп.

Денежные средства в сумме 633 руб. 77 коп. отправлены администрацией ИК-5 по месту жительства Б. Привлечены ли виновные в допущенном нарушении к ответственности, ФСИН не сообщил.

Ответ из прокуратуры пока не получен.

Надежда Раднаева,
эксперт Фонда «В защиту прав заключенных»

О праве задержанного на звонок

Как поясняют авторы инициативы, это максимально допустимый срок для составления протокола задержания. В случае отказа от звонка близких лиц уведомляет дознаватель или следователь. Отметка о звонке должна делаться в протоколе. Поправки вносятся в ст. 46 и ст. 96 Уголовно-процессуального кодекса (УПК) РФ.

Законопроект направлен на реализацию принципа равенства, поскольку позволяет создать одинаковые условия для задержанных правоохранительными органами, говорится в пояснительной записке к законопроекту. Законом «О полиции» уже установлены такое право и трехчасовой срок уведомления, в то время как уголовно-процессуальным законодательством указанное право прямо не предусмотрено, и срок для уведомления дознавателем, следователем установлен значительно больший. Кроме того, УПК предусматривает уведомление только родственников, в то время

Группа депутатов во главе с председателем комитета по законодательству единороссом Павлом Крашенинниковым внесла в Госдуму законопроект, дающий право задержанному подозреваемому на один телефонный разговор с близкими родственниками или близкими лицами не позднее 3 часов с момента его доставления в орган дознания или к следователю.

как в законе «О полиции» такое ограничение отсутствует, и оно не имеет надлежащих конституционных оснований, считают депутаты.

Альтернатива Совфеда

Совет Госдумы принял решение вынести законопроект группы членов Совета Федерации с поправками в Уголовно-процессуальный кодекс на первое чтение 22 апреля. Они предлагают дополнить ст. 92 УПК и установить, что протокол о задержании подозреваемого должен составляться обязательно в присутствии адвоката. Кроме того, инициатива предусматривает новую процедуру уведомления родственников не в течение 12 часов, как сейчас, а в течение двух часов с момента задержания. Уведомлять задержанный должен лично, а длина разговора не должна быть меньше пяти минут, предлагали сенаторы.

Еще в ноябре думский комитет рекомендовал принять законопроект в первом чтении, но сделал ряд замечаний. Так, критике подверглась инициатива предоставлять задержанным право самостоятельно звонить родственникам. В замечаниях указы-

валось, что это «может создать условия для разглашения данных предварительного расследования».

Депутаты указывали, что запрет подозреваемым сообщать обстоятельства своего задержания является чисто декларативным, так как за его нарушения не установлена никакая ответственность. Кроме того, в поправках никак не регламентируются случаи, когда подозреваемый в силу психических или физических недостатков не в состоянии сделать звонок самостоятельно.

Правительство в своем отзыве отмечало, что подозреваемый во время разговора с родственниками может говорить на языке, которым дознаватель или следователь не владеют. При этом установленное в проекте право следователя сохранить факт задержания подозреваемого в тайне не согласуется с его обязанностью предоставить подозреваемому возможность уведомить родственников и защитников о своем задержании, констатировали правительственные эксперты.

Источник: РБК

Президент РФ Владимир Путин поручил правительству подготовить и представить предложения «по уве-

Путин поручил декриминализовать мелкие преступления в сфере экономики

личению порогового размера ущерба, являющегося основанием для возбуждения уголовного дела по преступлениям в сфере экономики».

Такое задание дано кабмину по итогам заседания Госсовета по вопросам развития малого и среднего бизнеса, состоявшегося 7 апреля. Предложения по поправкам в УК должны

быть разработаны к 15 июня 2015 года.

Как известно, в настоящее время для преступлений в сфере экономической деятельности (глава 22 УК) крупным признается ущерб свыше 1,5 млн руб., особо крупным – 6 млн руб. (статья 169 УК).

Источник: Право.ру

«Чтобы мне лично не было стыдно»

Главный редактор сказал: «Завтра пойдешь к 14 часам в Госдуму». Я закричала в ужасе: «Нет! Ни за что! Лучше буду полы по всей редакции мыть». – «Мой», – получила в ответ.

Оказалось, мне вовсе не надо общаться с депутатами. Совсем наоборот. Перед Госдумой будут одиночные пикеты правозащитников Людмила Алексеевой, Сергея Ковалева, Валерия Борщева и Льва Пономарева против нового законопроекта.

Так вот: пятница, 14 часов, здание Госдумы.

Людмила Михайловна Алексеева в летнем платице (благо, ливень еще

не начался) села на складной стульчик и, развернув плакат, подняла его высоко над головой.

Она молчала. Просто молчала. Маленькая бесстрашная женщина восьмидесяти семи (она свой возраст не скрывает) лет. Великая наша правозащитница.

Мимо шли люди. Почти все останавливались. Расспрашивали журналистов, что происходит. Журналистов было очень немного. В основном телевизионщики – совсем юные. Прохожие говорили им: «Ну вы все равно это не покажете, да? Ну, разве только «Дождь»... И, может, еще «РЕН-ТВ»».

Когда я шла на этот пикет, думала, там будет толпа. Я не люблю толпу и боюсь ее. (Хотя как-то на оппозиционном митинге, куда пришло множество народа, одна моя приятельница, врач по профессии, огляделась и воскликнула мечтательно: «Я хочу жить среди этих людей».) Толпы у Госдумы не было. «Ну, это если б Киркоров где-то встал – там была бы толпа», – сказал кто-то. Но Киркорова вряд ли интересует этот новый законопроект.

А между тем, суть его поразительна: он разрешает применять физическую силу и спецсредства (включая дубинки и электрошокеры) к заключенным

не только в случаях угрозы физической безопасности сотрудников или других лиц (как это было раньше), но и, например, в любых случаях нарушения распорядка. То есть по любому поводу!

«Следствие несовершеннолетних преступников – ненаступившие свершения»

За два часа до пикета Людмила Михайловна Алексеева объясняла мне: «Вот у вас пуговица неправильно застегнута или вы не так посмотрели на начальника колонии, ну, ему показалось, что вы не так как-то на него посмотрели, – и все! Это уже нарушение распорядка! И за это к вам можно применить силу! Это ж что такое? По закону теперь будут творить незаконное?! Три раза в абсолютно разных местах и с большим интервалом во времени сами работники колоний доверительно рассказывали мне, что примерно одна треть эсков сидит у нас ни за что. Им-то зачем врать? Они все видят и знают. Изнутри. Тех же предпринимателей засаживают с целью вымогательства... А ведь еще "болотники" сидят... И я решила, что если сейчас, немедленно не сделаю против этого нового законопроекта что-то такое сверх того, что обычно делаю, – то не прощу себе этого никогда. Поэтому выхожу на пикет».

«Пульс времени – это биение пролитой крови»

Людмилу Алексееву в одиночном пикете сменяет Лев Пономарев. Потом объясняет: «По этому законопроекту, если заключенный днем сел на кровать – его уже спокойно и по закону можно избивать дубинками или применять электрошокер. Вот, если закон будет принят, на абсолютных законных основаниях. Я точно

знаю, что подавляющее большинство акций протеста заключенных в колониях носит мирный характер. Обычно они или выходят на крышу, или стоят на плацу. Не нападают на администрацию. Просто требуют соблюдения своих прав. А примут депутаты новый закон – а депутаты этой Госдумы готовы голосовать за что угодно – и любое протестное, самое мирное стояние на плацу или крыше легко и безнаказанно топится в крови заключенных».

Этот законопроект находился на экспертизе в правительстве с сентября прошлого года. Тогда правозащитники подняли шум. И показалось: об этом законопроекте забыли. Но нет – не забыли.

«Вчера я случайно узнал о нем из газет. А дело еще в том, что без экспертизы Совета по правам человека при Президенте РФ и Уполномоченного по правам человека он не должен был вообще попасть в Госдуму. Нужно остановить принятие этого закона! Для этого прежде всего надо добиться экспертизы Совета по правам человека при Президенте РФ и Уполномоченного по правам человека. Уверен, после этого из законопроекта все самое вопиющее уйдет».

Лев Пономарев говорит, что особой строкой в законопроекте прописано снятие с сотрудника колонии, например, ответственности за причиненный вред здоровью и имуществу того, к кому применена сила и спецсредства. То есть можно покалечить или убить человека, и ничего никому за это не будет.

«За последние годы в колониях случилось несколько крупных акций неповиновения. Постоянно происходят мелкие. Сегодня, например, нам

сообщили, что во время этапа вскрыли себе вены заключенные, которых перевозили из Вологды в Карелию. Эски знали, что их везут в пыточные зоны, где их ждут нечеловеческие мучения. Кто-то должен остановить депутатов в принятии этого закона. Может быть, Вячеслав Володин, который отвечает за внутреннюю политику в России».

«Пьеса должна провалиться из-за неуспеха главной роли. Той, которую играет политика»

Валерий Борщев с плакатом вначале тоже стоит молча. С журналистами общается позже: «Насилие в зонах не узаконивать надо, а бороться с ним. И власть первая должна это делать. Если новый законопроект будет принят – власть получит неуправляемую зону, которая чрезвычайно, патологически опасна. И не только для тех, кто сидит на зонах, – для власти тоже».

Известно, что именно те, кто отравляет жизнь людям, требуют признать, что она прекрасна. Тем более если отравлять жизнь можно анонимно. Кто авторы этого законопроекта? Почему не объясняются с обществом? Под каким конвоем им пришло в голову то, что они изобразили в своем новом законопроекте?

Не помню, кто сказал: «Как справедливо судить о государстве? Лучше всего – на основании его судебной системы».

И, по определению, в странах, где граждане боятся за свою жизнь в тюрьме, страшно жить и на свободе.

«Мера эпохи: разница в росте карлика и гиганта»

Сергей Адамович Ковалев – гигант. Совесть любого времени. Даже самого бесовского.

Сергей Ковалев сначала сел на стульчик, а потом встал. Держал плакат перед собой. Молчал. А потом мы с ним долго разговаривали. Телевизионщики уже давно все разбежались, а мы все говорили и говорили.

«Когда был диссидентом, то и я, и мои друзья не пеклись о благе народа. Я делал то, что делал, по одной-единственной причине: чтобы мне не было стыдно. Из чисто эгоистических соображений, понимаете?»

Ковалев, когда в брежневщину был сидельцем, режим (или распорядок) нарушал постоянно. Мог выйти на крыльцо барака в тапочках – что категорически запрещалось. Или вообще уйти пить чай в другой барак. Не снимал шапку при встрече с лагерным начальством. («Ковалев! Вы почему шапку не снимаете?» – «Не хочу!»)

«И, знаете, мне это сходило с рук. Если не было “заказа” от КГБ продлить срок. Ну а если был “заказ” – оформляли протокол, определяли в ШИЗО. Но чтоб вот так, сразу дубинкой по голове или электрошокером – нет, такого не было».

Спрашиваю Сергея Адамовича: верит ли он, что их одиночные пикеты могут что-либо изменить?

Человек науки Ковалев отвечает мне на этот вопрос так: «Вы знаете, что такое фазовый переход? Это когда вы переохлаждаете воду, и она у вас становится чуть ниже нуля. А потом бросаете в эту воду микроскопический кусочек льда, вот совсем-совсем микроскопический – и все! Вода становится льдом».

Я хочу спросить Ковалева об Андрее Дмитриевиче Сахарове, с которым он был дружен, а Сергей Адамович опе-

режает мой вопрос и сам заговаривает о Сахарове.

«Когда Сахарова однажды, еще при СССР, спросили, верит ли он в скорое появление у нас гражданского общества, он отвечал, что в совсем скорое – не верит. А после паузы добавил: “Но крот истории роет незаметно”».

Каждый режим в конце концов становится «прежним режимом». Так было с СССР. Так будет всегда.

Но истина проста: продлевать человеческую жизнь можно, только если при этом сокращаются мучения.

Никто из депутатов к правозащитникам, стоящим в одиночном пикете, так и не вышел. Да никто и не предполагал, что выйдут.

«Им не болит», – сказала старушка, проходя мимо Госдумы.

Зоя Ерошок, Новая Газета

Памфилова призвала отозвать законопроект, расширяющий применение физической силы к заключенным

3 июня Элла Памфилова обратилась к председателю Государственной думы Российской Федерации Сергею Нарышкину с просьбой выступить перед депутатами нижней палаты Федерального Собрания, чтобы убедить их в необходимости снятия с рассмотрения законопроекта № 802242-6, так как его принятие может повлечь грубые или массовые нарушения прав и свобод граждан.

В официальном письме отмечается, что довольно частые чрезвычайные происшествия в части несоразмерного применения физической силы и специальных средств персоналом уголовно-исполнительной системы (УИС) по отношению к лицам, содержащимся в местах принудительного содержания, вызывают беспокойство и озабоченность Уполномоченного.

«Хотя целесообразность наличия специальных средств, газового и огнестрельного оружия у сотрудников уголовно-исполнительной системы не вызывает сомнений, объем и

рамки их применения должны быть строго прописаны, их направленность должна быть ограничена необходимостью пресечения противоправных действий. Применение физической силы и специальных средств в отечественной пенитенциарной системе в отдельных случаях становится причиной смерти осужденных», – говорится в заявлении.

Уполномоченный обращает внимание на тот факт, что ещё в конце 2014 года рассмотрение законопроекта было приостановлено после соответствующего обращения Уполномочен-

ного к председателю Правительства России, одновременно было дано указание Минюсту России учесть предложения Уполномоченного по указанному законопроекту. Уполномоченным были подготовлены предложения, которые в январе 2015 года были согласованы с Минюстом России.

При этом в настоящее время в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации внесен в установленном порядке зарегистрированный под № 802242-6 законопроект «О внесении изменений в Закон Российской Федерации “Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы” и Федеральный закон “О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений”», в котором отсутствуют соответствующие предложения Уполномоченного.

Валерий Абрамкин

(19.05.1946-25.01.2013) - правозащитник, диссидент, бывший политзаключенный, который провел шесть лет в тюрьме за издание «свободного московского журнала «Поиски». Вся свою жизнь после заключения он посвятил реформированию российской пенитенциарной системы и уголовной юстиции. Основанный им в 1988 году Центр содействия реформе уголовного правосудия – ведущая российская правозащитная организация, работающая в пенитенциарной сфере. С 1992 года на Радио России по инициативе Валерия Абрамкина выходит радиопередача о заключенных и для заключенных «Облака».

– Моя тема – восстановительное правосудие. Конечно, я не могу не откликнуться на то, что говорил Сергей Анатольевич. Поскольку, помимо всего прочего, я не только исследовала суд присяжных, работала с Сергеем Анатольевичем по внедрению суда присяжных, но еще мне посчастливилось быть присяжным заседателем в реальном процессе. Учитывая то, как наше судейское сообщество, прокуратура и государство научились обходиться с присяжными, то я бы не стала возражать против суда шеффенов, где народные представители не будут столь ограничены, как сегодня – присяжные заседатели.

Абрамкинские чтения «Преступления и наказания в современной России»

24 января прошли первые Чтения, посвященные Валерию Абрамкину. В Чтениях приняли участие ведущие ученые-юристы, криминологи, социологи и правозащитники. Стенограмма чтений (продолжение)

Людмила Карнозова,
ведущий научный сотрудник, Институт государства и права

Доклад «Восстановительное правосудие сегодня: проблемы становления в России»

Итак, о **восстановительном правосудии**: когда Яков Ильич в конце формулировал определенные тезисы, среди прочих там был тезис Чезаре Беккариа о неотвратимости наказаний. Восстановительное правосудие фактически формулирует другой тезис, тоже связанный с неотвратимостью, только не наказания, а ответственности. И в этом смысле это более тонкие вещи – через 250 лет после Беккариа нам можно продвинуться чуть дальше.

Восстановительное правосудие видит в ответ на преступление ответственность лица, которое совершило преступление, но не в плане претерпевания наказания, а в плане заглаживания вреда, возмещения ущерба. Основная идея восстановительного правосудия – это другой ответ на преступление, это заглаживание вреда человеком, совершившим преступление, это исцеление жертвы, это активное участие сообщества и в реинтеграции правонарушителя, и в помощи жертве.

Как концепция и как некоторые практические формы восстановительное правосудие уже стало формироваться в своем новом виде. Понятно, что, по идее, вопросы переговоров, медиация – это древнейшие формы человеческого общежития. Поэтому

мы говорим о восстановительном правосудии и использовании переговоров и медиации как концепции уже современной. Как современная теория и практика это стало формироваться где-то в 80-е годы XX века. Мы говорим, соответственно, о концепции, о ценности, о практических формах. Это, прежде всего, медиация правонарушителей и жертвы. Под практикой я имею в виду, что эти формы медиации по уголовным делам стали входить внутрь специальной системы правосудия и стали элементом правовых систем очень многих стран. При этом надо понимать, что само движение за восстановительное правосудие – это движение как бы снизу. Восстановительное правосудие началось не тогда, когда появлялись нормы в законодательстве и вводились уголовный и уголовно-процессуальный

кодексы, а фактически нормативное закрепление приобретала практика, которая разворачивалась прежде всего общественными организациями.

В России тоже это движение стало формироваться в конце 90-х годов, и, говоря о нем, я говорю о деятельности общественной организации, некоммерческого центра «Судебно-правовая реформа», который этим и стал заниматься в конце 90-х годов.

На сегодняшний день мы можем говорить, что это движение приобрело заметные масштабы. Если начинали его три человека – Михаил Флямер, Рустем Максудов, Анна Грасенкова, – то сейчас это движение стало всероссийским. Наш центр проводит мониторинг, реализует практики, программы восстановительного правосудия, прежде всего, осуществляет медиации жертвы и правонарушителей (хотя в РФ используются и другие формы восстановительного правосудия по делам несовершеннолетних). А удалось это сделать именно по делам несовершеннолетних благодаря тому, что в 90-е годы началось интенсивное движение за ювенальную юстицию. Сейчас эти слова мы не произносим, но зато произносим слова: правосудие, дружественное к ребенку.

Благодаря тому, что это движение было достаточно интенсивным, здесь можно подчеркнуть очень важный момент. Мы как бы ругаем судей, но в движении за ювенальную юстиции судьи сыграли большую позитивную роль. Потому что эксперименты при отсутствии законодательного урегулирования там, где это получалось, происходили прежде всего на площадках, где этими экспериментами руководил суд. Это Санкт-Петербург, Ростов и другие города. Есть статистика, есть справка судей рабочей группы к 2010 году, где было показано, что примерно 52 региона фактически реализовали то, что называется ювенальными технологиями. Не везде были программы восстановительного правосудия, но это одна из линий разворачивания правосудия, дружественного к ребенку.

Сегодня существует около десяти региональных площадок, где используется восстановительное правосудие по уголовным делам несовершеннолетних либо по особо опасным деяниям несовершеннолетних, не достигших возраста уголовной ответственности. То есть эти службы применения (это условное название служб, которые с нами работают) взаимодействуют с судами и с комиссиями по делам несовершеннолетних. Есть Всероссийская ассоциация восстановительной медиации – так мы назвали этот тип медиации, потому что он особый и отличается от медиации по решению гражданских споров.

Конечно, от этой практики нельзя отвернуться. Но вопросы институционального укрепления пока не решены. И они решаются очень необычным образом.

С одной стороны, практика складывалась там, где действительно находились просто люди. Как Валера Абрамкин всегда говорил, в любой структуре можно найти людей, с которыми можно разговаривать и с которыми можно делать какие-то проекты и делать какие-то дела, ориентированные на защиту прав.

У нас так и происходило. Когда я говорю об этих десяти сегодняшних регионах, то единственный регион, который у нас целиком работает на восстановительных технологиях – Пермский край, где на уровне Председателя Правительства Пермского края и председателя краевого суда было принято это решение, которое реализуется сегодня. И восстановительные технологии здесь используются по всем делам в отношении несовершеннолетних правонарушителей.

В остальных местах – это отдельные площадки. Приведу пример по Москве. Это очень интересно – ведь все начиналось здесь, в Москве. Начиналось в 1997–98 годах, когда наш центр стал работать с Черемушкинским районным судом, и там же работал по реализации ювенальных технологий Олег Владимирович

Зыков. И вот две общественные организации и суд составили программу сотрудничества, по которой мы начали работать и проводить программу восстановительного правосудия с несовершеннолетними правонарушителями. Потом мы свои наработки передали центру, который находился на бюджетном финансировании, потому что у нас общественная организация, которая работала по проектам, финансирование которых было очень непостоянным. Это центр «Перекресток», который работает в системе образования. При этом в Москве ни один суд больше, несмотря на огромные усилия, не согласился на такое сотрудничество. Этим летом сменился председатель Черемушкинского суда и все закончилось. Сейчас на рассмотрении Егоровой лежит бумага по поводу продолжения этой работы, но больше полугода этой работы нет. И ни в каких других судах Москвы этого нет.

Это с одной стороны. Теперь с другой стороны. В Москве – это просто пример. Такие вещи происходили во многих регионах. Сейчас у нас было бы не десять регионов, а значительно больше, если бы не было таких изменений. То есть – нет институционального крепежа.

Работа с несовершеннолетними нарушителями, с этой категорией детей, не является целевой в системе образования. А программа восстановительного правосудия – это медиация между правонарушителем и жертвой. А жертвой могут оказаться и взрослые. Взрослые вообще не ее целевая группа. Сейчас у нас идет реформа системы образования. И от «Перекрестка» практически ничего не осталось.

Это то, что происходило и происходит до сих пор. Но в плане институционального укрепления произошло очень знаменательное и важное событие в 2012 году. Была принята Национальная стратегия в интересах детей, которая подписана Президентом РФ. Мы подавали туда предложения, ни на что не надеясь.

И вдруг оказалось, что там есть раздел 6 – «Правосудие, дружественное к ребенку», и в нем фактически на всех страницах и получается, проходит красной нитью, что основное направление при формировании правосудия, дружественного к ребенку – это восстановительный подход, программа по восстановительному правосудию.

Дальше включается наша российская институциональная матрица. С одной стороны, либо не путать, если нет закона, с другой стороны, если принимается решение, то надо внедрять. И здесь происходит наказание невиновных и награждение непричастных. Принято решение внедрять, значит, создается структура, которая фактически объявила себя – и правительство подтвердило это – центром, а именно Федеральный институт медиации в системе Минобразования, который должен руководить восстановительным правосудием. В этом центре нет ни одного человека, который понимал бы, что такое восстановительное правосудие. Сейчас у них проблема связана с финансированием. Наши пожелания состоят в том, чтобы все-таки укреплять ту практику, которая реально есть, потому что у

нас есть и обучение, и мониторинг.

Что теперь происходит и в чем опасность сегодняшнего дня? Опасность сегодняшнего дня состоит в дискредитации восстановительного подхода, когда «рулить» всем назначаются некомпетентные люди. Результат этой некомпетентности, этой дискредитации не заставил себя ждать: летом 2014 года выходит подготовленная Минюстом и одобренная, фактически принятая, правительством концепция развития служб примирения по реализации восстановительного подхода для несовершеннолетних. Весь текст, который там написан, абсолютно не имеет никакого отношения к восстановительному правосудию. Это чудовищный текст, который фактически обосновывает восстановительное правосудие теми аргументами, которыми аргументируется медиация по решению гражданских споров. Надо прекрасно понимать, что медиация по уголовным делам между правонарушителем и жертвой вообще не решает вопросы правового спора. Потому что по уголовным делам правовой спор о виновности решается в суде, а не на медиации. На медиации вообще решаются другие вопросы. Вопросы заглажива-

ния вреда, исцеления жертвы, ответственности правонарушителя, чтобы он увидел, получил обратную связь от жертвы. Тем более мы работаем с несовершеннолетними, где воздействие имеет огромное воспитательное значение. При чем тут вся та аргументация, которая относится к медиации в гражданско-правовой сфере?

С другой стороны, Закон о медиации, который ввел понятие медиации в нашу правовую систему, сыграл специфическую роль, потому что медиация – это вопрос о регулировании споров, и, еще раз повторюсь, медиация по уголовным делам это не решает. Более того, Закон о медиации говорит о том, что медиация в понимании данного закона не касается урегулирования споров в области публичных правовых отношений. Теперь нас спрашивают: «Ребята, о чем вы говорите?». И мы в сотый раз начинаем объяснять, что восстановительное правосудие – это отдельная линия, и мы теперь предлагаем минимизировать употребление термина «медиация». Потому что когда мы начинали в конце 90-х, мы говорили «программа восстановительного правосудия», избегая этого термина. Сейчас ситуация непонятная.

Последнее, о чем я хочу сказать: восстановительное правосудие в целом как мировое движение, как мировая практика за 30 лет подтвердила, что это не утопия, а вполне реалистичная вещь, хотя когда читаешь первые работы, кажется, что все это утопические соображения, проекты, и что просто люди-медиаторы или ведущие программы восстановительного правосудия умеют это делать так, что преступность не увеличивается.

На повестке дня европейских исследований стоит вопрос о доступности восстановительного правосудия. Обсуждаются факторы, которые влияют на то, чтобы оно было эффективно, и что этому препятствует. Фактически мы тоже находимся в этой точке мирового развития восстановительного правосудия.

Спасибо большое.

Валентин Гефтер:

– Было бы правильно, прослушав пять юристов и правоведов, задать вопросы, потому что вторая часть будет более приземленной. Нужно попробовать оттенить ваше понимание или непонимание того, о чем уже шла речь в первой части. Задавать вопросы могут как наши панелисты, так и вас условно называю, так и другие слушатели.

Глеб Павловский:

– У меня вопрос к Гилинскому. У Вас в докладе прозвучала квалификация очень ярко описанных событий. Как их можно квалифицировать, ведь мотив осуждения у каждого будет разный?

Яков Гилинский:

– Ну, здесь нельзя назвать одним каким-то словом, здесь попытка, с одной стороны, услужить верховной власти и верховному человеку – примерами могут быть выступление Жириновского, выступление Милонова. С другой стороны, это, конечно, непрофессионализм. Простите, за покушение на преступление мера наказания предусматривается не меньше, чем за само преступление. Да-да, за покушение больше, чем за само преступление. Как это можно назвать? Не досмотрели, не додумали? А если взять соотношение тех же наказаний в целом по Уголовному кодексу – там парадоксальные, анекдотические вещи происходят! Это просто элементарная глупость. На сегодняшний день Госдума, – не все члены, но то большинство, которое принимает законодательные акты – мягко говоря, недостаточно квалифицированы и чрезмерно стараются угождать верховной власти.

Что касается пыток – когда мы докладывали результаты нашего исследования, мне был задан вопрос: «А что вы считаете пыткой?». Мы сделали очень простую вещь: в анкете дословно воспроизвели статью первую Международной конвенции против пыток. Вот это есть пытки. Мы

ничего не сочиняли, ничего не выдумывали. Сам опрос был репрезентативный: только в Петербурге было опрошено порядка 2500 человек. Поэтому у нас были основания доверять результатам опроса. Более того, инструментарий опроса обсуждался на международном уровне.

Что касается колоний и осужденных, то мы прекрасно понимали, что если мы зададим вопрос: «Где и когда вас пытали?» – нас никто не пустит в колонию. Поэтому вопрос был сформулирован очень четко: «Какие из этих действий по отношению к вам применялись до вынесения приговора?». Речь шла только о дознании на предварительном следствии.

Я много лет занимался практической работой, потом наукой, а сейчас работаю в нескольких местах, в том числе в Институте прокуратуры. И знаю о том, что у нас пыточная система работает повсеместно, не переставая. Это не вызывает сомнений. У нас пыточная система на потоке во всех регионах Российской Федерации.

Владимир Уткин:

– Еще одна беда – бюрократизация в правовой системе. Бюрократический аппарат, который держится не на компетенции, а на кумовстве и на нежелании сказать что-то против, когда их спрашивают: почему вы приняли это, как так? То есть человек хочет остаться в системе, в итоге боится что-то сказать даже тот, кто знает что-то конкретное. Плюс дисквалификация значительной части тех, кто, как говорил Жванецкий: «Он такой умный? – Нет, у него московская прописка». Если в советское время это как-то нивелировалось, то сейчас выходит на новый уровень.

Сергей Шимоволос:

– Мы тут упоминали несовершенство законов, низкую квалификацию субъектов, но вопрос в другом. Я, например, сталкивался с высококвалифицированными сотрудниками, которые сознательно делают то, что делают. Например, один полицейский говорил:

«Мне мало платят, а ведь я фактически на острие, защищаю это государство от народа. Вы понимаете, какая у меня миссия?». Это, на самом деле, вопрос ментальности. Я хотел бы свой вопрос адресовать Сергею Анатольевичу Пащину. Можно ли поменять людей с такой ментальностью, заточенной только на защиту государственных интересов в их понимании?

Сергей Пащин:

– Видите ли, судебная реформа во многом была частным делом таких людей, как Борис Андреевич Золотухин и Валерий Федорович Абрамкин. Мне кажется, Россия, хотя, может быть, это самонадеянно с моей стороны, ориентирована не столько на институты западных стран – состязательность, системы разделения властей – сколько на хороших людей. И там, где начинаются хорошие люди, там начинаются всякие реформы и подвижки. И это реалистичный подход, исходя из этого надо действовать, как мы действовали, когда вводили суд присяжных. Мы пытались объединить судей, которые сами по себе не злы и не плохи, а может быть, и не очень хороши. У них есть представление о нравственном законе, но среда их губит, они находятся вокруг нового института, в котором еще нельзя пока сказать, что хорошо, а что плохо. И судьи себя проявили самым наилучшим образом, уже не как блюстители казенного интереса, не как давящая машина, а как люди, которые готовы идти на компромиссы, готовы работать правовым образом, лишь бы за это на конюшне не выпороли. Один из аргументов, почему судьи выступали за суд присяжных, был такой: «Раньше меня за оправдательный приговор на конюшню, а теперь я скажу – вот они... Я ни при чем, я бы и рад, а вот они...». Вот и все.

Если вы придумываете институт, который воспринимается людьми как хороший и вокруг которого надо объединиться, и с чем они могут связать свою карьеру – это работает.

Жалко, нет Мары Федоровны, был отличный проект, связанный с новым

порядком оценки работы участковых. И полковник Зимин докладывал его и в Чечне, и в Дагестане. И тамошнее руководство собиралось пойти навстречу.

Валентин Гефтер:

– Так, может быть, это и есть реформа?

Сергей Пашин:

– Может быть, только другого рода.

Валентин Данилов:

– Вы рассматриваете инструмент помилования, но ведь гораздо более важная и масштабная акция – это амнистия? И более того, помилование, я считаю, вообще коррупционная тема. Могу Вам сказать, что осужденные каждый год ждут амнистию. Сейчас у нас 2015 год, и будет амнистия. Мне хочется, Тамара Георгиевна, чтобы Вы сказали, почему Вы помилованию больше внимания уделяете, чем амнистии. Амнистия – это более важный инструмент.

Тамара Морщакова:

– Я абсолютно согласна с Вами. Вопрос о том, чтобы устроить новую регламентацию помилования возник раньше, теперь к очередному юбилею Победы будет готовиться амнистия. Давайте разделим два подхода. Один подход такой: что захотят от Государственной Думы, то она и примет. У нас есть недавний опыт по подготовке прошлой амнистии в связи с 20-летием Конституции. Проект, который разрабатывал Совет по правам человека, – он вообще ничего общего не имеет с тем, что потом было издано. Хотя СМИ неоднократно говорили о том, что вот, Совет по правам человека разрабатывает, а Дума рассматривает. Но в итоге рассматривался проект Администрации. Теперь, стоя перед новой задачей, мы думаем, что свой собственный проект, который мы, исходя из политкорректности, держали в тайне, теперь уже не будем так держать в тайне. Мы должны сделать свой собственный проект и

предъявить обществу, чтобы оно понимало, какие меры в качестве амнистийных считаются нормальными в цивилизованном обществе.

Я прочитала Вашу идею, которую Вы предлагаете. В нашем проекте была эта идея – обязательного смягчения для всех. Она была совершенно четко зафиксирована, и если от меня это будет зависеть, конечно, я буду ее поддерживать. Но единственное, в чем я могу Вам возразить по поводу Вашей идеи: Вы предлагаете все-таки универсальное равенство. Все-таки это как-то не очень справедливо, потому что все должны получить милость. Другое дело, что, может быть, кто-то должен оказаться в этой ситуации «более равным», чем все остальные.

Амнистия – это, безусловно, то, что должно помогать обществу каждый раз очищать свои завалы негуманности, несправедливости, жестокости, неосновательной криминализации. Сейчас обсуждается вопрос, принимать закон о помиловании или нет. Я стою на другой точке зрения. Может быть принят – и это имеет смысл, по опыту других государств – такой акт, который должен говорить о принципах амнистии и помилования. На самом деле, человечество давно разработало эти принципы: нельзя помиловать самого себя, очевидно нельзя делать такие акты амнистии, которые распространялись бы на тех, кто их принимает. Понимаете? Скажем, законодатель во многих случаях является недобросовестным. Ну, у нас понятно почему, мы как граждане не можем влиять на него. Мы не можем влиять на него ни в момент выборов, ни по результатам его деятельности, мы не можем оценить эту деятельность. Так устроена система. Будем надеяться, что Конституционный суд не будет так слаб и нерешителен в своей смелости. Я всегда так говорю, когда ругают нашу Конституцию и спрашивают: какой в ней толк, она все равно не реализуется? А раз она не реализуется – она виновата. Можно предъявить к ней определенные претензии,

безусловно. Это будет основательно и объективно. Но я всегда перед всеми ставлю один вопрос: если сейчас мы ее уберем, нам станет легче? Мы потеряем критерии даже для нашего общественного сознания, для того чтобы оценивать то, что происходит. Вот так и в этой области: принципы амнистии и помилования имеют право на существование в нормальном законодательном акте. Хотя это всегда связано с дополнительной опасностью. Станут совершенствовать нашу Конституцию, уберут высшие ценности личности, прав и свобод, найдут другие высшие ценности, провозгласят государственную религию и т.д. Такая опасность есть. Поэтому воздержание, в смысле законодательного регулирования, с помощью такого законодательства тоже имеет смысл.

Вопрос:

– Вопрос по поводу проекта амнистии. Не кажется ли Вам, что недостаточно корректно именно общественное обсуждение амнистии, учитывая, что практически все знают, какие категории граждан обычно попадают под амнистию. Несовершеннолетние, женщины, до 3-х лет, до 5-и лет и так далее. Будет ли корректно общественное обсуждение такой амнистии к 70-летию Победы, ведь определенный круг граждан может быть спровоцирован на совершение преступления, поскольку они будут знать, что к 70-летию Победы они будут освобождены?

Тамара Морщакова:

– Конечно, это опасная очень для них самих надежда. Любые надежды могут не оправдаться. Мне очень нравится такое выражение – чего у нас только может не быть. Чего не пожелаешь – того может не быть. От этого никуда не уйдешь. Но почему Вы думаете, что кто-то предлагает сейчас общественное обсуждение проекта амнистии? Я думаю, что кто-то, может быть, даже провоцирует общественное обсуждение амнистии. Я все время осуждаю

средства массовой информации, когда они ведут себя абсолютно безответственно, адресуя нашему обществу такие формулировки вопросов, которые провоцируют негодный ответ.

Движение вперед в области реформ не может строиться на нынешнем состоянии правосознания. Не может оно строиться, потому что тогда мы будем возвращаться к крепостному праву. Не надо этого. И Совет, например, не предлагает общественного обсуждения. Он предлагает именно такую позицию: мы заявим свое мнение на этот счет и будем надеяться на то, что оно будет оказывать влияние на общественное сознание. Больше ничего.

Каринна Москаленко:

– Уважаемые коллеги, как практикующий адвокат, я с удовольствием бы освободила и по помилованию, и по амнистии всех своих подзащитных и даже соседних подзащитных. Но меня

пугает то, что было в первом разделе нашего обсуждения – наказание по новым доктринам в постсоветской действительности. Меня пугает открытая доктринальная слабость вопросов, связанных с реабилитацией тех, кого мы завтра хотим видеть на свободе. Я не понаслышке знаю, кого завтра наше общество примет в свои объятия. Наша пенитенциарная система озлобляет человека, вырабатывает, вытаскивает из него наихудшие свойства характера, и завтра эти люди окажутся с нами.

Но помимо этих людей, есть люди просто не адаптированные к жизни в нормальном гражданском обществе. И если мы наотпускаем большое количество людей, не готовых войти в мирную жизнь, это довольно опасно. И если мы сейчас вместе не крикнем: «SOS», и не скажем и не потребуем от государства действий – это очень опасно. На комиссию огромная

надежда, потому что кто-то должен этот «караул» уже закричать.

Если мы не потребуем от государства, чтобы к нам в общество возвращали адаптированных нормальных людей, то ...

Людмила Карнозова:

– Каринна, но ведь будет все наоборот! Скажут: «Конечно, надо», и будут усиливать тюремную систему.

Каринна Москаленко:

– А я говорю не о тюремной системе внутри, а о той параллельной действительности, там мы должны дать концепцию хотя бы! Если человек отсидел 10–15 лет, он должен шаг за шагом пройти какую-то реабилитацию. И эту реабилитацию надо потребовать от Минюста. Они должны не только сажать, не только наказывать, не только репрессировать, но обязательно – реабилитировать.

Валентин Гефтер, директор Института прав человека

Доклад «Актуальность новой уголовной политики: к постановке вопроса»

– Вы слышали про то, что у нас нет единой, цельной, непротиворечивой уголовной исполнительной политики, нет даже зафиксированной каким-то актом ни концепции, ни доктрины. А кто у нас вообще в последние годы этой темой озаботился? Единственный, кто вообще на моей памяти озаботился, как институция, – это Общественная палата Российской Федерации, как ни странно. Там была группа, в которую многие приличные люди не хотели вступать, а я, как человек любознательный и компромиссный, несколько раз туда зашел. И нашел их текст от 2012 года, который мало кому был известен. Он касался как раз уголовно-правовой доктрины и вообще того, что надо делать в сфере уголовного права.

Первая часть посвящена недостаткам, отсутствию, неэффективности уголовно-правового поля. Там примерно те же слова, которые сегодня прозвучали. Поэтому я позволю себе просто начать сразу с того, что я процитирую, не сильно отклоняясь от текста, что они говорят. Два подхода. Первый подход: уголовное право как вид карательной политики государства. Согласно этому, основной метод уголовного права – принуждение и наказание как мера государственного принуждения, которое должно быть, понятно, законно, обоснованно, справедливо, неотвратимо. А также целесообразно. То есть использовать прогрессивную систему исполнения наказаний, когда при «плохом» поведении виновного степень принуждения уси-

ливается, а при «хорошем» снижается. Признание принуждения основным методом усиливает необходимость более широкого использования в уголовном праве поощрения. Без чего система уголовной юстиции теряет смысл. Ибо все усилия по перевоспитанию преступников и возвращению их к законопослушной жизни становятся неэффективными. Признание принуждения и поощрения методами уголовно-правового регулирования требует их системного оформления и закрепления в новом УК, а отчасти УПК и УИК.

И последнее. Ревизия системы наказания подразумевает пересмотр и упорядочение видов уголовных наказа-

Абсолютно необходимо выстраивание таких нетрадиционных для России институтов, как национальный механизм предупреждения пыток и жестокого обращения, службы пробации и адаптации центров постпенитенциарной ресоциализации и тому подобных.

ний, исключение недееспособных видов, дополнение системы новыми видами, например, – это приводится в том же документе Общественной палаты, – при данном подходе видится важным на законодательном уровне окончательно решить вопрос о необходимости сохранения смертной казни.

Вот теперь я попробую, может быть, менее красивыми и убедительными словами сказать, даже не почему это меня не устраивает, а что я вижу здесь как альтернативу. То, что мы называем постановкой вопроса о новой уголовной политике, – это все-таки, в первую очередь, введение каких-то базовых ценностных понятий и приоритетов. То есть акцент наказания делается не на принуждении к законопослушной жизни и поощрении за хорошее поведение в местах отбывания наказания, а совсем на другом. На чем же? В создании условий для утверждения человеческого достоинства – своего и окружающих – в целях адаптации осужденных к нормальной жизни. Что я имею в виду под этим? В первую очередь нужно, чтобы оступившийся или даже сознательно пошедший на преступление человек увидел на деле, что к тому его принуждает не бездушное жестокое государство, а помогает общество, которое во взаимодействии с системой уголовного наказания дает ему

возможность изменить свою судьбу и одновременно заглядеть свою вину перед потерпевшими, своей семьей и другими людьми.

Теперь я предложу более обобщенно и конкретно несколько направлений того, как это можно было бы сделать. Первое – в неразрывной связи преступления и наказания. Речь идет, конечно, не о тексте приговора и его исполнении в буквальном смысле слова, а о всей цепочке элементов уголовно-правовой системы. То есть от досудебной и заканчивая постпенитенциарной пробацией до подчинения элементов исполнения наказания уже в ходе его исполнения целям реабилитации. Причем не только осужденного, но и потерпевшего, и окружения осужденного, и общества в целом. И одновременно контролированием, ресоциализацией преступившего закон. Что тут имеется в виду?

В этой неразрывной связке – приговор, условия отбывания и трудоустроенность осужденного, постепенное и определенное законом смягчение условий отбывания, то есть режима учреждения, вплоть до УДО. Все это, заканчивая общественным контролем и государственным надзором за «условниками» и «досрочниками» уже после выхода на волю. Мне кажется, что совершенно отсутствует единая, прописанная в законе необходимость

всех этих элементов уже в приговорах. Если нет доказательств того, что приговоренный человек что-то нарушил, он имеет право подать на смягчение режима, перевода в другое учреждение и условно-досрочное освобождение. Сколько его ни принуждай, он никогда не будет становиться более готовым к законопослушной жизни. Мне кажется, что ни в уголовной доктрине, ни в уголовном законе, ни, тем более, в практике такого подхода нет.

Второй элемент – это медиация силами представителей общественности и специалистов как основы взаимоотношений сторон уголовного процесса – и обвиняемого, и осужденного, и потерпевшего прямо или косвенно от данного преступления, и представителей государства. Что я имею в виду? В первую очередь, формы восстановительного правосудия и участие в пробации в целом не одних только чиновников, общественный контроль силами ОНК, возможность проведения независимой экспертизы, социально-психологическое сопровождение и медицинское обслуживание осужденных. Если все это будет делаться не только в рамках системы, не только руками уголовно-исполнительной системы, но и с большим участием вот этих внешних игроков, то я считаю, это будет тот самый необходимый элемент новой парадигмы отношения к осужденным.

Третий элемент, вызвавший наибольший спор, – это участие общественности в отправлении уголовного правосудия. То есть не только тех, кто принадлежит к корпоративной, профессиональной среде юристов. Многие из нас считают, что справедливость уголовного правосудия невозможно обеспечить без вклада представителей широкого юридического слоя и граждан. То есть не принадлежащих только к органам прокуратуры, следствия, судебной корпорации. Например, это могут быть присяжные заседатели. То есть это должно быть полноценное членство в квалификационных коллегиях судей, которое до

сих пор остается большей частью имитационным. Это те же самые общественные наблюдательные комиссии, но уже не только следящие за условиями содержания, но в первую очередь (и мы это уже сейчас прописываем в законодательстве), имеющие право участвовать в решении вопросов о разных типах смягчения или усложнения наказания осужденных.

Теперь я бегло перечислю другие проблемы, которые необходимо решать для пересмотра уголовно-исполнительной политики. Это трудоустройство осужденных на базе принципиально новых подходов к тюремной экономике, к территориальному размещению исправительных учреждений. И это все может делаться только одновременно, в условиях снижения численности тюремного населения. И вот тут уже можно говорить о помилованиях, об амнистиях, о больших элементах разгрузки системы. Без этого, мне кажется, никакие новации, даже в пилотном режиме, невозможны.

Абсолютно необходимо выстраивание таких нетрадиционных для России институтов, как национальный механизм предупреждения пыток и жестокого обращения, службы пробации и адаптации центров постпенитенциарной ресоциализации и тому подобных. Но только не на базе органов исполнительной власти или каких-то их подразделений. Кроме государственных игроков, тут обязательно должны быть

общественные. Во всех этих элементах должно присутствовать главное – частное и государственное партнерство. Это не просто допуск аттестованных и хорошо зарекомендовавших себя чиновников и представителей общественности. Это должны быть равная ответственность и равные полномочия и, возможно, даже элементы серьезного госфинансирования для негосударственных структур.

И последнее. Это проведение пилотных апробаций разных моделей того, что хотелось бы видеть. Причем с учетом региональной и профильной специфики, по итогам которых можно было бы рекомендовать наилучшие практики и методические новации во всех этих направлениях.

Все это, конечно, мечты. Но если мы не начнем обсуждать это, то все те страшные и слабо реформируемые элементы нынешней тюремной действительности будут повторяться вновь и вновь.

Как начать что-то делать? Мы уже об этом говорили. В стране нет единого центра, в котором все эти разные концептуальные, доктринальные вещи обсуждались бы. Центра достаточно высокого уровня, каким, например, был Центр частного права при Администрации президента. Есть масса научных организаций, есть масса правозащитников, которые думают об этом. Есть большое число практикующих юристов. Но концентрации усилий

не хватает. И сколько бы мы об этом ни говорили, пока никакого отклика нет. Поэтому это будет продолжаться дальше, пока мы не найдем возможность создать такой центр. Может быть, Минюст мог бы создать его при своем ведомстве. Но я боюсь, что ведомственное учреждение не имело бы достаточно высокого статуса и в обсуждении, и, тем более, в реализации и апробации своих предложений.

Заметьте: мы с Вячеславом Ивановичем сидим последние годы в одной комиссии по тюремной реформе. Там почти каждый раз заходит разговор о том, что нужна новая редакция УИК. Все вроде бы это признают. Но когда возникает вопрос: кто же ее будет писать, кто будет хотя бы аккумулировать предложения, хотя бы возьмет на себя потом ответственность защищать это наверху? Все разводят руками и говорят: «Ну, может быть, Совфед, может быть, еще кто-то».

Поэтому трудность лежит в самом начале. Непонятно, от кого ждать первого импульса по части таких усилий? И главное – кто готов взяться хотя бы за частичную реализацию будущих предложений? Ведь даже мы не можем договориться о том, что, кроме нашей основной работы, нужно выделить сколько-то времени, сесть и начать системно все обсуждать и продвигать. Площадки Совета по правам человека, Уполномоченного по правам человека, мне кажется, не годятся.

Реплика:

– Почему уполномоченный по правам предпринимателей не годится? Годится. Он говорит о реформировании.

Валентин Гефтер:

– Говорить все говорят. Но работать... Я тоже работал в разных местах. Но я практически нигде не встречал, когда люди откладывали массу очень важных своих текущих научных, правозащитных и прочих дел, и говорили: вот это на какой-то период будет главным делом нашей жизни.

Тамара Морщакова:

– Структура была создана в Администрации президента. Но я хочу спросить, знает ли он, какая структура занималась разработкой концепции развития уголовного законодательства в сфере экономики? Ее и развили, и опубликовали, и предложили, и обсуждали везде – в Госдуме...

Валентин Гефтер:

– Речь идет не только о разработке концептуальных положений. Речь

идет о целой последовательности нормативных актов и конкретных вещей, которые с этим связаны. Я хочу привести более положительный пример, хотя меня будут ругать коллеги.

Благодаря инициативе Совета при президенте создали ведомственную группу по пересмотру концепции развития УИС. Мне казалось вначале, что это будет пустая говорильня. Но, кроме пустой говорильни и торможения, нам все-таки в конце прошлого года удалось включить пару очень

важных основных разделов этой концепции, касающихся прав человека и трудоустройства осужденных. Они пока только рамочные. Но опять же вопрос: будем ли мы работать вместе с Минюстом над тем, чтобы эти концеп-

туальные вещи, при всей их непоследовательности, может быть, и отрывочности воплощались в систему нормативных актов, за которые бы отвечали? Я уверен, что не только Минюст, но и мы сами не сможем сконцентриро-

ваться. Поэтому мой призыв: мы должны собираться и работать не только раз в год на тех или других чтениях, но ежедневно плотно над этим сидеть и этим заниматься.

Каринна Москаленко,
Центр содействия международной защите, координатор программ

Доклад «Решения ЕСПЧ по жалобам из России как индикатор состояния уголовного правосудия и исполнения наказаний»:

– Спасибо за приглашение на это замечательное собрание замечательных людей. Валерий Абрамкин, чье имя нас сегодня всех соединило, – для нас очень дорогой человек. Он всех нас, горя идеей спасения мира, а главное, любви к миру (без любви ничего вообще не должно делаться), в свое время, в конце 1980-х, поднял и дал такой толчок, который до сих пор, когда опускаются руки и голова падает с плеч, дает нам возможность все-таки идти дальше и не останавливаться.

Вопрос, который сформулирован в плане – «Решения ЕСПЧ по жалобам из России как индикатор состояния уголовного правосудия и исполнения наказаний». И для меня это вопрос: является это индикатором или нет? Хотелось бы, чтобы было рассмотрено гораздо больше дел из Российской Федерации. Всегда есть в Европейском суде определенный тормоз, который, к сожалению, не позволяет это сделать. Это объясняют переполненностью делами, но есть, я считаю, и другие факторы, мы сейчас не будем о них говорить. Но ответу на поставленный передо мной вопрос: является ли эта база решений по России, правовых подходов, прецедентов, созданных в Европейском суде, индикатором состояния уголовного правосудия и исполнения наказаний? Да, является.

Диагноз как бы поставлен. Отслежены дела по бесчеловечному обращению, по

пыткам, по неисполнению позитивных обязательств, по праву на жизнь, по праву на защиту от пыток. Очень важная концепция Европейского суда: позитивные обязательства государства. Это значит – и расследовать, и наказать, и предотвратить в будущем. И тогда возникает следующий вопрос: сработала ли эта система? Мне посчастливилось быть в Европейском суде по делу Калашникова, которое знает любой УИН-овец, ФСИН-овец, как его ни назови.

И вот сегодня, когда мы уже имеем решение по делу «Ананьев и другие против России», мы можем говорить о России от Калашникова до Ананьева. И знаете, было бы несправедливым сказать, что ничего не изменилось, что стало хуже. Я сама страшный критикан, негативист, но считаю, что мы обязательно должны видеть, что общество и государство в этом направлении двигались. Да, «Ананьев и другие» и еще 90 дел уже рассмотрены по условиям содержания, и 150 дел, которые перечислил Европейский суд, по которым сейчас государство признаёт нарушения и в одностороннем порядке выплачивает компенсации... Только не перебивайте меня, и не говорите, что они отделяются компенсациями, мы об этом можем поговорить позже. Но это индикатор того, что Российская Федерация все-таки от тех пещерных нарушений, которые мы видим в деле

«Калашников против России» и «Ананьев и другие против России», все-таки не отнекивается. Другое дело, что этого недостаточно. Мы будем требовать реального изменения ситуации. Но возможности наши ограничены в связи с отсутствием настоящей, должной политической воли. Мы знаем, что в нашем не вполне демократическом государстве решают вопросы только на самом высоком политическом уровне. У нас нет должного диалога с властями. Очень жаль, потому что проигрываем не только мы, заявители и их представители, граждане России. Проигрывает и власть. И когда компенсации зашкалили (89 выигранных дел), то получились просто громадные суммы. А по делу Гладышевой и по целому ряду дел, которые возникли на базе дела Гладышевой, получились просто миллионы. И по этим 89 делам адвокатов просто начали сажать. Оказалось, что дешевле их посадить, чем исполнять выплаты.

А теперь – что нам принесла система Европейского суда за прошедшие годы. Я сегодня говорю от имени Центра содействия международной защите. Это по-настоящему малая горстка адвокатов, которая выиграла 20 процентов всех российских дел. Центр содействия международной защите к сегодняшнему дню выиграл почти 250 дел. И у нас еще сотни обращений. Уже пора подво-

дить какие-то итоги. И когда меня спрашивают: если столько дел выиграно, а ситуация не меняется, то вообще это нужно, стоит выделки эта овчина? Да, очень даже стоит. Мы осознали, что нужно понуждать государство, чтобы оно исполняло эти решения, а особенно с конкретными страничками и статьями 14-го протокола, который регламентирует порядок исполнения решений Европейского суда. Я вам скажу: тем людям, которые говорят, что результатов нет и решения не исполняются в части общего характера и даже индивидуального характера, но только выплачивается компенсация, я могу задать вопрос: выиграв дело, вы пробовали его исполнять? Знаете ли вы механизмы, которые существуют для того, чтобы пригласить государство к исполнению решения? А они выработаны.

Государство должно представить план-экшн, план тех действий, которые надо исполнить для того, чтобы решения посчитал исполненными Комитет министров Совета Европы, главный исполнительный орган Совета Европы, который борется за то, чтобы побольше дел признали исполненными, и пытается помочь государству, которое вообще не желает с тобой разговаривать. Как помочь этому государству, заметить этого незащищенного заявителя и добиться исполнения этого решения?

Мне скажут: по Пичугину, дескать, вынесли решение о том, что шестая статья – право на справедливое судебное разбирательство – нарушена, и решение до сих пор не исполнено. Я вам скажу так: Пичугин – это очень чувствительное дело для России. Его будем добивать и пробивать. Но возьмите дело Идалова – никому не известного чеченского парня, которому сфабриковали одно за другим уголовные дела. Когда Европейский суд написал: «право на справедливое судебное разбирательство нарушено», парня вообще удалили из зала суда на весь период судебного следствия, а вернули только для того, чтобы избить в зале суда во время приговора. А когда он

заявил, что его сильно избивали, его вернули вниз и там избивали еще больше. Идалов со своим делом пришел в Президиум Верховного суда России. И хотя имелось решение прокурора, категорически исключающее отмену приговора, хотя господин Лебедев сформулировал свой документ примерно в этом же ключе, мы объяснили Президиуму Верховного суда, что нас хотят столкнуть с Европейским судом. Это прямое неисполнение решения, где сказано, что права Идалова могут быть восстановлены только при новом судебном разбирательстве. Долго совещался Президиум. Отменили приговор. При новом судебном разбирательстве судья с легкой душой нарушал все то же самое, только гораздо хуже. И мы уже готовили пятое дело «Идалов против России». И тут госпожа Егорова что-то поняла. И на стадии вступления приговора в законную силу она отменяет этот приговор. Идалова оправдывают и выплачивают пусть мизерную, но компенсацию (мы сейчас боремся за другую компенсацию).

Если просто сидеть сложа руки, то мы ничего не добьемся. Судьи мне иногда говорят: «Не читайте нам лекции». Я в отсутствие студентов читаю лекции им в суде. Мы их должны обучать. Но, ладно, судьи – адвокаты, которым, казалось бы, это совершенно необходимо в России, обнаруживают потрясающую некомпетентность во всех вопросах, связанных с обращением в Европейский суд. Они даже не знают, что Европейский суд ничего не отменяет, не принимает решений, не оценивает решения национального суда. И они идут не с теми жалобами. Раньше 97, теперь 93 процента дел из России неприемлемы.

Наш Центр иногда называют центром переделывания неприемлемых жалоб в приемлемые. То есть в жалобах есть приемлемые вопросы, но только адвокаты не умеют их изложить, к сожалению, как надо. И сейчас наша задача – не заваливать Европейский суд такими жалобами. Фактически мы враги сами себе, если заваливаем Европейский суд десятками

тысяч обращений, которые не о том.

Дальше: если мы говорим об условиях содержания, то здесь государство уже многое признало. Есть гораздо более чувствительный момент – не просто плохие условия содержания, которые равноценны пытке, а прямые пытки, которым подвергаются задержанные в первые часы и дни или в дальнейшем. Эти пыточные дела с огромным трудом проходят даже в Европейском суде по правам человека. Я годами недоумеваю, почему пыточные дела так долго рассматриваются Европейским судом. Приоритет дают гражданским делам по неисполнению решений, там можно вынести сотню решений за один день. А с каждой пыткой надо повозиться. Например, по делу «Бунтов против России», где у человека двадцать оторванных ногтей, мы боялись посылать жалобу в Европейский суд, потому что считали, что в 21 веке в Европе просто никто не поверит, что это возможно. У нас есть доказательства, что их оторвали с кровью. Я сама не верила. То есть не то что не верила, а не могла поверить... А когда ты посылаешь дело с отбитыми ногтями (а человеку просто отбили ногти навсегда, у него вместо них кровавое мясо), независимо от того, что человек совершил, это описывается иногда в решении Европейского суда.

Дело «Сахновский против России». Очень важное дело, там много серьезных моментов и прецедентов. Оказывается – давайте откроем Америку – Европейский суд говорит, что нельзя защищать человека формально. Оказывается, в тюрьму надо ходить к человеку. Оказывается, с ним надо позицию согласовывать, а не просто прийти и отсидеть. Надо говорить с подзащитным. И не 15 минут, которые дает Верховный суд Российской Федерации – это потрясло всех, что ограничили этот разговор 15-ю минутами. Меня спрашивает член Европейского суда, судья от России: а вы что, к каждому своему подзащитному в Новосибирск едете? Вопрос правильный. Я говорю: да, мы этим и отличаемся. Либо я не

еду в Новосибирск, а настаиваю на том, чтобы его доставили сюда, и доставляют. Либо еду. Потому что нельзя прийти защищать человека, если ты его не видел, не слышал, и он тебе не доверяет. А он не доверяет тебе потому, что просто не знает, кто ты и как ты выглядишь. Каждый обвиняемый имеет право требовать эффективной защиты.

Два слова о Гладышевой. Гладышева – это добросовестный предприниматель. Наш центр раньше почти не занимался гражданскими делами. Но вот Лев Александрович Пономарев нас мобилизовал, подsunул нам кучу разных дел. Эти люди теперь ходят к нам пачками по гражданским делам. Люди со своими семьями, с детьми, с престарелыми родителями вышвыриваются на улицу! Человек не предполагал, что у его квартиры какая-то плохая история. Он ничего не знал. И государство говорит: нет, ты выйди на улицу, поживи там, в следующий раз будешь осмотрительнее. Европейский суд говорит: нет, у государства есть свои обязательства перед приобретателями. Не пойдет так, сказали. А каждое выигрышное дело по части компенсации, подобное делу Гладышевой или Кондратюка – это стоимость московской квартиры, и не только московской. Сейчас у нас есть из других регионов подобные дела, а это уже несколько сотен тысяч.

Эти дела создают прецедент. Гладышевой жалобу удовлетворили и думали, она замолкнет. А она взяла и создала организацию защиты вот таких собственников, как она, которых обобрали! И теперь хотя бы люди не остаются на улице. Есть эффект? Есть.

Дальше. Я хочу вам сказать о том, что сотни дел с провокациями до сих пор рассматриваются Европейским судом и по этим делам принимаются решения с осуждением наших мальчишек, как правило, на громадные сроки. И кого мы потом получим из мест лишения свободы? Кто-то этими посадками решает свои карьерные вопросы, а люди после провокации идут в тюрьму. Что такое провокация как недопустимое доказательство, согласно шестой статье

Европейской конвенции? Это такие действия, когда без активного участия агента-provokatora совершение преступления было бы невозможным. Дело «Ваньян против России». Это Гриша Ваньян, парень, который своим делом дал надежду очень многим. В некоторых региональных судах уже знают этот прецедент, он основан на деле Шера де Кастро. Мы в свое время обосновали это португальским делом, сейчас создан наш, отечественный прецедент. Нельзя людей сажать по этому поводу, надо предотвращать преступления, а не инициировать их и не провоцировать их. И вот все, кто знают об этом прецеденте, пишут жалобы и идут последовательно в Европейский суд, а некоторые и не доходят до Европейского суда, а просто используют прецедент. И это самое ценное использование этих стандартов на национальном уровне. Люди оказываются в выигрыше. А остальные пока еще страдают. Не все сразу делается.

И, наконец, очень многие хорошо знают дело «Ходорковский – Лебедев против России». Но я не буду касаться несправедливости судебного разбирательства в части неравенства сторон. Это хрестоматийные примеры. И, собственно говоря, с этими прецедентами мы можем очень эффективно работать в Европейском суде и на национальном уровне тоже, предупреждаю судей. Но все ли помнят, что в деле Ходорковского Европейский суд признал нарушением, что лицо, которого судят, находится в клетке? Мне в свое время говорили: это бесполезная тема, у нас все в клетке сидят. Но если в отношении всех нарушают, значит, в отношении всех есть нарушение. А не в том смысле, что если в отношении всех нарушают, то это уже не нарушение. Человек на жердочке в этой клетке сидит целый судебный день. Он выглядит уже как преступник. Его туда приводят уже в наручниках. Все эти атрибуты унижают достоинство человека, подрывают презумпцию невиновности и подрывают право на гуманное обращение с человеком. В советские годы у нас всякие были дела. Но что-то я не припомню, чтобы загородки кому-то

не хватало, чтобы кто-то перепрыгивал через нее. Зачем потребовались эти клетки? Так удобней? Если нас всех вообще по клеткам разместить, так с нами вообще очень легко будет обращаться, мы и вякать тогда не будем. Кто помнит, что Ходорковского отправили (после первого приговора – прим.ред.) не в соседний с Москвой регион, а в «ближайший», и этот «ближайший» оказался ближе к Монголии и Китаю? Бесстыдство и нарушение. Эти прецеденты надо использовать. Все ли помнят, что по делу Ходорковского огромный раздел решения Европейского суда посвящен тому, как власти обращаются с адвокатами? Я недавно пыталась пройти в Лефортово, и меня пытались не пускать. И никто из коллег моих не верил, что я туда войду. Меня пустили только в двадцать минут пятого, чтобы через десять минут меня оттуда попросить. Но они приняли мой ордер. И тот невоспитанный следователь, который мне заявил: «Я вас не знаю, мне с вами говорить не о чем», он меня узнает, потому что я не позволю так с собой обращаться. И призываю своих коллег не позволять такие действия в отношении себя. У вас есть право незамедлительного доступа к вашему подзащитному. И извольте там сидеть до конца рабочего дня, чтобы в следующие разы у вас это право не отняли. Но самое главное – чтобы у вашего заявителя, доверителя не отняли такое право. Когда я наконец попала к своему подзащитному, мои коллеги не верили. А я просто написала руководству тюрьмы, что их ждет, и начальник следственного изолятора все понял. Но это же уже прописано в деле «Ходорковский против России». Нельзя не допускать адвокатов. Да, Ходорковскому уже не нужно допускать частного адвоката, слава Богу, а вот другим нужно, и прецеденты вырабатываются. Только надо обязательно их уметь использовать и добиваться. И власти обучаемы. Есть уже база, исходя из которой можно требовать выполнения прав заключенных и обвиняемых.

*Продолжение стенограммы
в следующем номере*

В России закроют и реорганизуют около 100 исправительных колоний

В РФ закроют в связи с оптимизацией бюджетного финансирования примерно 100 исправительных колоний. Об этом заявила российский омбудсмен Элла Памфилова на совещании с уполномоченными по правам человека в регионах.

По ее словам, Министерством юстиции по согласованию с ФСИН принято решение о ликвидации 34 и реорганизации или консервации еще нескольких десятков исправительных колоний. «В общей сложности, я

так понимаю, около 100», – отметила Памфилова.

Омбудсмен отметила как положительный момент сокращение в России тюремного заключения. Негативный момент, по ее мнению, заключается в том, что после закрытия колоний встанет вопрос трудоустройства сотрудников ФСИН.

Ранее первый заместитель директора ФСИН заявил журналистам в Казани, что планируется закрыть порядка 20-25 колоний, в основном учрежде-

ния с плохими условиями или в труднодоступных районах.

Он подчеркнул, что речь идет не о сокращении, а об «определенной оптимизации» системы, в которой сейчас насчитывается 1 229 учреждений.

«У нас есть ряд учреждений очень большой удаленности. Условия содержания там достаточно плохие. И не только осужденные, но и наши сотрудники живут в очень плохих условиях: канализации нет, горячей воды нет. К некоторым колониям можно было добраться только в определенное время года. Зачем это все?», – пояснил он.

По материалам «Интерфакс»

ФАС потребовала вернуть конкуренцию на рынок товаров для заключенных

Федеральная антимонопольная служба (ФАС) направила письмо директору ФСИН Геннадию Корниенко, в котором требует устранить нарушения на рынке товаров для заключенных следственных изоляторов.

ФАС предложила «самостоятельно вернуть конкуренцию» для того, чтобы «избежать ненужного разбирательства и наказания».

В ходе проверки ФАС установила, что до конца 2013 года на рынке магазинов

для заключенных СИЗО функционировало несколько хозяйствующих субъектов. При этом задержанным было доступно около 600 видов товаров из категории первой необходимости, цены на которые не превышали среднерозничные. Но уже с 2015 года ФГУП «Калужское» монополизировало рынок магазинов в СИЗО через платежные терминалы и Интернет. Это произошло на основании письма заместителя директора ФСИН Александра Сапожникова.

«По сути это предложение ФСИН самостоятельно привести состояние дел в соответствие с законом о конкуренции. Так можно избежать ненужного разбирательства и наказания», – цитирует РБК начальника аналитического управления ФАС Алексея Сушкевича.

Собеседник РБК из числа предпринимателей-участников рынка товаров для заключенных оценил ежегодную прибыль от торговли в семи столичных и 12 подмосковных СИЗО в 250–300 млн рублей в год.

По материалам «РБК»

Скоро первые из пожизненно осужденных получат право на УДО

Правительство России отвергло идею лишать пожизненно осужденных права на условно-досрочное освобождение: оно отказалось поддерживать соответствующий законопроект.

Правительственные эксперты особо отметили, что право на помилование или смягчение наказания носит абсолютный характер и никаким законом нельзя лишать людей надежды. Так сказано в отзыве на законопроект, рассматриваемый в Госдуме. Его внесли двое депутатов, решившие, что пожизненный срок надо сделать действительно бессрочным.

Предполагалось, что каждый раз суд, приговаривая преступника к пожизненному сроку, будет решать, оставить человеку право на условно-досрочное освобождение или нет. Для этого доку-

мент вводит в Уголовный кодекс специальную статью «Лишение права на условно-досрочное освобождение». Оно задумывается как возможное дополнительное наказание для осужденных к пожизненному лишению свободы. Кому-то назначат, кому-то нет.

Первые из тех, кто когда-то получил пожизненный срок, уже в ближайшее время получат возможность просить об освобождении. По данным авторов инициативы, в течение ближайших двух лет «право на условно-досрочное освобождение наступит у 185 осужденных, в том числе тех, которым смертная казнь была заменена пожизненным лишением свободы».

По материалам «Российской газеты»

Происшествия

**Якутия:
в колонии погиб четвертый
заключенный за месяц**

Следователи СК проводят проверку по факту гибели осужденного в якутской ИК-3. Утром 8 мая осужденный обратился в санчасть колонии с жалобой на одышку. Врач осмотрел его и назначил лечение. Около 11 часов мужчина находился в столовой, где почувствовал недомогание и скончался по пути в санчасть. Реанимировать его не удалось. Заключенный страдал бронхиальной астмой.

24 апреля трое осужденных нашли в колонии бутылку с надписью «Титан» и выпили находившуюся в ней жидкость. Один из заключенных скончался в тот же день, двое были госпитализированы, но 29 апреля и 4 мая скончались.

По материалам СМИ

**Якутия: замначальника
колонии подозревается
в убийстве заключенного**

СУ СК РФ по Республике Якутия (Саха) расследует уголовное дело, возбужденное в октябре 2014 года по факту обнаружения в камере ШИЗО ИК-7 трупа мужчины с признаками насильственной смерти криминального характера.

По данным следствия, 15 октября 2014 года осужденный был помещен в камеру штрафного изолятора за нахождение на территории исправительного учреждения в состоянии алкогольного опьянения. В ходе расследования у следователей появились объективные основания полагать, что к причинению смерти осужденного причастен заместитель начальника исправительного учреждения.

В ближайшее время ему будет предъявлено обвинение в совершении преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 111 УК РФ (умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, повлекшего по неосторожности смерть потерпевшего), ч. 3 ст. 286 УК РФ (превышение должностных полномочий с причинением тяжких последствий).

Расследование уголовного дела продолжается.

По материалам СУ СК РФ

**Пермский край:
Экс-сотрудник ГУ ФСИН
получил в качестве взятки
«Range Rover»**

Уголовное дело по признакам преступления, предусмотренного ч. 6 ст. 290 УК РФ (получение взятки в особо крупном размере), возбуждено в отношении бывшего начальника отдела пермского УФСИН.

Следствием установлено, что в декабре 2012 года индивидуальный предприниматель, выполняя указания сотрудника ФСИН, перечислил на счет продавца в качестве оплаты за приобретаемый объект коммерческой недвижимости 2 700 000 рублей. После чего этот объект был оформлен в собственность родственницы чиновника, но использовался им в своих интересах. Кроме того, в октябре 2013 года предприниматель вновь перечислил (теперь уже на счет автосалона в качестве оплаты за приобретаемый офицером ФСИН) 2 069 000 рублей. За эти деньги автомобиль «Range Rover» перешел в собственность другой родственницы взяткополучателя, но реально принадлежал ему.

По материалам СУ СКР по Пермскому краю

**Смоленская область:
сотрудник регионального
УФСИН России подозревает-
ся в получении взятки**

Возбуждено уголовное дело в отношении начальника отряда отдела по воспитательной работе с осужденными ФКУ ИК №3 УФСИН России по Смоленской области. Он подозревается в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 290 УК РФ (получение взятки).

За взятку в сумме 50 000 рублей он договорился с матерью одного из заключенных, что подготовит документы для освобождения от наказания ее сына в связи с изданием акта об

амнистии и поможет организовать рассмотрение этого вопроса в более короткий срок.

25 мая 2015 года при передаче части денег в сумме 30 000 рублей подозреваемый был задержан.

По материалам СУ СК РФ

**Иркутская область:
Сотрудники колонии
подозреваются в незакон-
ном использовании труда
заключенных**

В отношении сотрудников ОИУ-25 СУ СК РФ по Иркутской области возбуждены уголовные дела коррупционной направленности по признакам преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 286 УК РФ (превышение должностных полномочий).

Как установило следствие, в 2013 году сотрудники объединения исправительных учреждений № 25 ГУФСИН России по Красноярскому краю привлекали к работам на приусадебном участке, в том числе и к строительству личного жилья осужденных, отбывающих наказание.

По материалам
прокуратуры Иркутской области

**Волгоград:
сотрудник колонии задер-
жан за взятку в 1000 рублей**

18 мая в отношении младшего инспектора группы надзора отдела безопасности ИК-26 было возбуждено уголовное дело. Инспектора обвиняют во взяточничестве. Заключенный, отбывающий наказание в виде 7 лет лишения свободы, попросил доставить ему сотовый телефон. В момент передачи денег инспектора поймали с поличным.

Следователи уверены, что это не первый случай.

По материалам СМИ

**Ставрополье: сотрудник
ФСИН подозревается в полу-
чении крупной взятки**

СУ СК РФ по Ставропольскому краю возбуждено уголовное дело в отно-

шении начальника отряда участка колонии-поселения ИК-6, подозреваемого в совершении преступления, предусмотренного п. «в» ч. 5 ст. 290 УК РФ (получение взятки).

Следствием установлено, что днем 12 марта 2015 подозреваемый, получил взятку в размере 440 000 рублей от родственника осужденного за оказание содействия в предоставлении мужчине условно-досрочного освобождения.

По материалам СУ СК РФ

Москва: сотрудник СИЗО поставлял заключенным наркотики

В столичном СИЗО «Матросская тишина» перекрыли канал поставки запрещенных веществ.

По версии следствия сотрудник изолятора приобрел партию наркотиков, которые он планировал продавать на территории учреждения. На данный момент возбуждено уголовное дело по факту приготовления к сбыту наркотиков в особо крупных размерах с использованием служебного положения.

Москва: Суд арестовал шесть человек по делу о миллионных вымогательствах в «Матросской Тишине»

Суд выдал санкцию на арест бывшего начальника оперативного отдела Михаила Захарова, троих надзирателей – Павла Петра, Валентина Базаева и Антона Девятаева – и бывшего оперативника ФСИН Анатолия Осмачко. Кроме того, заключена под стражу врач Фатима Найфонова, которая, по версии следствия, была доверенным лицом сотрудников СИЗО.

По версии следствия, высокопоставленные чиновники и ряд оперативников вступили в сговор с преступниками, находящимися под следствием, для организации вымогательств у других заключенных, которые имели финансовую возможность откупиться от насилия и другого давления.

По материалам СМИ

Приморье: сотруднику СИЗО предъявлены обвинения в халатности

СК РФ по Приморскому краю возбуждено уголовное дело в отношении оператора пульта системы охранного телевидения отдела режима ФКУ ЧСИЗО-4 ГУФСИН России по Приморскому краю. Она подозревается в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 293 УК РФ (халатность). По версии следствия, 17 марта 2015 года сотрудница не приняла достаточных мер по контролю за подозреваемыми с использованием системы видеонаблюдения, в результате чего мужчина подготовил и совершил самоубийство.

По материалам СУ СК РФ

Ростовская область: перед судом предстанет врач исправительной колонии

СУ СК РФ по Ростовской области завершено расследование уголовного дела в отношении бывшей врача-терапевта медицинской части №8 ФКУЗ МСЧ №61 ФСИН России. Она обвиняется в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 286 УК РФ (превышение должностных полномочий).

По версии следствия, обвиняемая, являясь должностным лицом, в марте 2015 г. получила от матери одного из осужденных деньги в сумме 100 000 рублей для незаконной передачи сыну. Используя свое служебное положение, она незаконно пронесла их на режимную территорию исправительной колонии, где была задержана сотрудниками управления собственной безопасности.

Источник: СУ СК РФ

Ленинградская область: начальника колонии арестовали за вымогательство взятки

Начальник ФКУ ИК-8 УФСИН во Всеволожском районе заключен под стражу по делу о крупной взятке. По версии следствия он вымогал у пред-

принимателя, осуществляющего коммерческую деятельность на территории колонии-поселения, взятку за продолжение коммерческой деятельности на территории исправительного учреждения. В первой половине дня 23 апреля 2015 года его заместитель, находясь в кабинете административного здания колонии, получил от предпринимателя взятку в размере 60 000 рублей для передачи своему начальнику, но был задержан.

Источник: СУ СК по Ленинградской области

Новосибирская область: врач ФСИН осудят на взятку и за попытку сбыта наркотиков

27-летний врач Евгений Балесный лично получил взятку в сумме 20 000 рублей за принесение мобильного телефона на территорию ИК-2 и его передачу одному из осужденных в целях дальнейшего незаконного использования.

Кроме того, врач пронес на территорию колонии USB-накопитель с наркотическим средством (героин) и передал одному из осужденных.

По материалам прокуратуры Новосибирской области

Пермский край: начальника отряда ИК-29 заподозрили в получении взятки

СУ СК по Пермскому краю возбудил уголовное дело в отношении начальника отряда ИК-29 ГУФСИН России по Пермскому краю. Он подозревается в совершении преступления, предусмотренного ч.3 ст.290 УК РФ (получение взятки за совершение незаконных действий).

По данным следствия, 14 апреля 2015 года сотрудник исправительной колонии получил взятку за пронос сотового телефона для осужденного. 16 апреля 2015 года при передаче телефона офицер был задержан с поличным. От занимаемой должности на период расследования уголовного дела он отстранен.

По материалам СУ СК РФ

ЕСПЧ рассмотрит дела российских заключенных, отбывающих наказание далеко от дома

Европейский суд по правам человека (ЕСПЧ) коммуницировал жалобы троих российских заключенных и их родственников на нарушение статьи 8 Конвенции о защите прав человека и основных свобод – права на уважение частной и семейной жизни. Заявители были отправлены отбывать длительное наказание за сотни и тысячи километров от места жительства семьи и близких.

О коммуникации жалоб в пятницу сообщает правозащитная организация «Зона Права» со ссылкой на сайт ЕСПЧ. Осужденные и их родственники указывают в жалобах, что переводы в колонии, расположенные вдалеке от дома, были безосновательными, а территориальные подразделения ФСИН не удовлетворили их просьб перевести осужденных в колонии, находящиеся ближе.

Один из заявителей – житель Владивостока, приговоренный в 2008 году к десяти годам лишения свободы. Сначала он содержался в приморской колонии, а затем его перевели в исправительное учреждение Красноярского края. Расстояние оттуда до Владивостока – 5 тысяч километров.

Житель Санкт-Петербурга, осужденный в 2009 году на 12 лет, отбывает наказание в колонии в Коми – в 1620 километрах от дома.

Третий заявитель, житель Костромы, был в 2013 году приговорен к 6,5 годам лишения свободы и попал в колонию на территории Башкортостана – 1200 километров от Костромы.

Источник: Медиазона

ЕСПЧ коммуницировал жалобу заключенного и задал России вопросы о тюремной иерархии

Европейский суд по правам человека (ЕСПЧ) принял к рассмотрению поданную в 2011 году жалобу на жестокое обращение заключенного, который сообщил о практике причисления части осужденных к «опущенным» или «петухам» и унижениях, которым они подвергаются.

Заявитель, фамилию и личные данные которого Страсбургский суд не разглашает, сообщил, что был осужден на восемь лет лишения свободы за насильственное преступление. В колонии он выпил чая из стакана, из которого пил заключенный, считающийся в этом отряде «опущенным», и был также причислен к этой низшей категории в тюремной иерархии заключенных.

В своей жалобе в ЕСПЧ осужденный рассказал, что из 900 содержащихся в колонии мужчин 32 человека считались «опущенными» или «обиженными». Он подробно описал, что по тюремным «понятиям» такие заключенные не могут прикасаться к вещам

обычного осужденного, хранить еду в общем холодильнике, их заставляют мыть туалеты и выполнять другую грязную работу, а также насилуют и избивают. При этом статус «опущенного» сохраняется за заключенным при переводе в другое исправительное учреждение.

Коммуницировав жалобу осужденного, ЕСПЧ задал российскому правительству вопросы: «Было ли допущено в отношении заявителя нарушение статьи 3 Конвенции о защите прав человека (запрет пыток)? Какие конкретные меры были приняты сотрудниками конкретного учреждения, чтобы исключить причисление заключенного к «опущенным» по тюремным «понятиям» и связанные с этим унижения? Имеется ли у России национальная стратегия противодействия насилию в тюрьмах и запугиванию заключенных, связанному с насаждением тюремной иерархии?»

Источник: Медиазона

Статистика

В российских тюрьмах находятся порядка 700 детей до трёх лет

В российских тюрьмах находятся 670 детей до трёх лет. Это дети, рождённые заключёнными матерями в исправительных учреждениях, сообщила начальник пресс-службы ФСИН России Кристина Белоусова. «На территории исправительных учреждений исправительно-уголовной системы ФСИН всего находится 13 домов ребёнка, и в них находятся на сегодняшний день 670 детишек в возрасте до трёх лет», – сказала она.

Источник: Российская Служба Новостей

12 типичных ошибок при оформлении жалоб

(по версии ЕСПЧ)

ЕСПЧ опубликовал документ под названием «Типичные ошибки при заполнении формуляра жалобы и как их избежать».

Комментарии юриста и основателя сайта EuropeanCourt.ru Олега Анищека:

1. Не используется действующий формуляр жалобы образца 2014 года. ЕСПЧ напомнил, что жалобы на старых формулярах он не принимает (т.е. не регистрирует). Кстати, несмотря на то, что новый формуляр опубликован полтора года назад, едва ли не половина жалоб, присылаемых мне на проверку, выполнена на старом формуляре. ЕСПЧ также пишет, что в конце формуляра находится штрих-код, облегчающий введение информации о заявителе в базу данных Страсбургского суда. Любой может убедиться, что на сегодняшний день такого штрих-кода (который должен формироваться на основе введенных в формуляр данных и отображаться при его распечатке) в формуляре нет. Из чего следует, что формуляр в ближайшее время будет обновлен. Будьте внимательны! Напомню, что три месяца назад ЕСПЧ уже обещал дополнить формуляр жалобы разъяснениями, призванными предотвратить наиболее типичные ошибки при его заполнении, а также выпустить тот самый документ, который был опубликован сегодня (при этом февральский документ на официальном сайте ЕСПЧ сейчас также датирован концом апреля, и в новостях сообщается о публикации обоих документов одновременно, но на самом деле это не так – первый

документ был доступен для скачивания еще три месяца назад, и именно тогда я написал о нем).

2. В самом формуляре жалобы отсутствует краткое изложение фактов (на которое отводится 3 страницы, что в стандартных страницах по 1800 знаков составляет 7 страниц, т.е. не так уж и мало), перечень нарушений и информация об исчерпании внутренних средств правовой защиты (по 1 странице формуляра, а в стандартных страницах – по 2). Хотя ЕСПЧ разрешает приложить к формуляру еще до 20 страниц с более подробным описанием предмета жалобы, он обращает внимание, что речь идет не о продолжении написанного в формуляре, а лишь о более подробном изложении того, что уже написано в формуляре. Недопустимо описывать в этом дополнении нарушения, которые не были названы в формуляре жалобы. Не следует начинать излагать факты в формуляре, а продолжать в дополнении. В самом формуляре обязательно должны быть изложены факты, названы нарушения, приведены сведения об исчерпании внутренних средств правовой защиты. Причем сводить это к нескольким строчкам, содержательно излагая всё лишь в дополнении – плохая идея. Первичное решение по жалобе принимается, исходя из содержания собственно формуляра.

3. К формуляру не приложены копии решений и других документов, подтверждающих слова заявителя (которые требуют подтверждения, т.к. ЕСПЧ не может делать выводы на основе только его слов). Если какой-либо важный документ действительно практически невозможно получить, следует представлять объяснения на этот счет.

4. К формуляру не приложены копии документов, свидетельствующих об исчерпании заявителем внутренних средств правовой защиты и соблюдении шестимесячного срока. Речь идет о судебных актах, причем не только того суда, в который заявитель обращался со своими претензиями в самую последнюю очередь, но и нижестоящих инстанций, о самих поданных в эти суды жалобах, о протоколах судебных заседаний, когда именно из них следует, что в судах было заявлено о нарушении. Если шестимесячный срок исчисляется с момента получения копии соответствующего судебного акта, должны быть предоставлены доказательства получения таковой в определенный день. Если средств защиты от нарушения нет, то должно быть показано, что жалоба подана в течение шести месяцев со дня самого нарушения (от себя напомню, что применительно к для-

щемуся нарушению – со дня его окончания), предоставив доказательства того, когда произошло нарушение.

5. В формуляре отсутствует подпись (причем «живая») заявителя или его представителя. (Как ни странно, это действительно довольно распространенная проблема, и ко мне несколько раз обращались заявители и их представители, в регистрации жалоб которых было отказано именно по этой причине.)

6. В жалобах от имени юридических лиц, которые подаются юристами (адвокатами), представляющими их интересы, не заполнены пункты 16–23, предназначенные для информации о представителе организации, под которым, судя по опубликованному сегодня разъяснению ЕСПЧ, он понимает лицо, имеющее право действовать от имени организации без доверенности. Признаю, для меня самого это неожиданная интерпретация указанной части формуляра. ЕСПЧ также обращает внимание, что необходимо представить доказательства полномочий этого лица. А вот это я всегда считал важным (т.к. это требовалось для подтверждения полномочий юриста (адвоката), представляющего организацию, поскольку они зависят от полномочий лица, выдавшего ему доверенность).

7. Не заполнен пункт 37 формуляра, предназначенный для краткого изложения нарушений. ЕСПЧ не может делать выводы о том, на какие нарушения подана жалоба, на основе лишь изложения фактов.

8. Не заполнен пункт 38 формуляра, предназначенный для информации об использованных средствах правовой защиты. Если заявитель считает, что таковых нет, он должен изложить в этом пункте краткие аргументы на этот счет.

9. Государство-ответчик не отмечено крестиком в пункте 33 формуляра.

10. Отсутствует список приложений к жалобе. Документы должны быть расположены в хронологическом порядке, их страницы должны быть пронумерованы (напомню, что четких

указаний на то, следует ли нумеровать только страницы каждого отдельного документа или также всех приложений от начала и до конца, нет, поэтому я рекомендую делать обе нумерации). Если в формуляре жалобы не хватает места для всех приложений, нужно воспользоваться дополнительным листом.

11. Жалоба отправляется незадолго до истечения шестимесячного срока.

Секретариат ЕСПЧ все чаще предьявляет к оформлению жалоб весьма непредсказуемые требования. Заявитель или его представитель незамедлительно уведомляется о несоответствии поданной жалобы требованиям к ее оформлению. Однако если жалоба была направлена в ЕСПЧ незадолго до истечения шестимесячного срока для ее подачи, то о несоблюдении этих требований заявителю или его представителю может стать известно уже после истечения указанного срока. Ведь жалоба, не отвечающая предьявляемым требованиям, не только не подлежит регистрации и рассмотрению (во всяком случае, по общему правилу), но и не прерывает течение шестимесячного срока на обращение в ЕСПЧ (это правило действует с 1 января 2014 года). В результате подача в надлежащий срок жалобы, оформленной в соответствии с предьявленными к ней требованиями, окажется просто невозможной.

За первый квартал этого года (это самые свежие доступные на сегодняшний день данные) ЕСПЧ зарегистрировал почти в полтора раза (на 42%) меньше жалоб, чем за тот же период прошлого года. И едва ли это вызвано тем, что люди стали подавать настолько меньше жалоб. Скорее, это объясняется увеличением числа отказов в регистрации жалоб. В т.ч. из-за того, что ЕСПЧ не получил жалобу, оформленную в соответствии со всеми предьявляемыми к ней требованиями, которая была бы отправлена в рамках шестимесячного срока.

При этом попробовать застраховаться от непредсказуемых требований

ЕСПЧ к оформлению жалоб все-таки можно. Для этого отправлять жалобу в Страсбург нужно в такой срок и таким способом, чтобы сохранить для себя возможность исправить жалобу до истечения шестимесячного срока, если у ЕСПЧ возникнут претензии к ее оформлению. О таких претензиях, если они возникнут, ЕСПЧ сообщает заявителю или его представителю достаточно быстро, в течение 2–3 недель. Поэтому если Вы живете в России, куда письма из Страсбурга в настоящее время обычно идут 2–4 недели, то необходимо постараться обеспечить получение жалобы ЕСПЧ за 6–8 недель до истечения шестимесячного срока. Соответственно, если Вы отправляете жалобу в Страсбург обычной (не курьерской) почтой, то подавать ее лучше примерно за 3 месяца до истечения шестимесячного срока. Принимая во внимание зачастую немалые сроки изготовления апелляционных определений, это означает, что жалобу в ЕСПЧ лучше всего подготовить и подать сразу же после получения копии апелляционного определения (конечно, когда подача апелляционной жалобы предположительно представляет собой обращение к последнему внутреннему средству правовой защиты по смыслу пункта 1 статьи 35 Конвенции или претензии предьявляются к самому апелляционному определению и процедуре его вынесения, от которых предположительно нет внутригосударственных средств правовой защиты).

12. При повторной подаче жалобы в случае отказа в ее регистрации в ЕСПЧ высылаются только документы и информация, которых не доставало, а не полностью заполненный в соответствии со всеми предьявляемыми требованиями формуляр со всеми приложениями к нему. В случае отказа в регистрации жалобы ЕСПЧ ничего не сохраняет: ни формуляр, ни приложения к нему. При повторной подаче жалоба должна быть оформлена так, как если бы в ЕСПЧ ранее ничего не отправлялось.

Источник: EuropeanCourt.ru

Еще раз про амнистию: наболело. В «Русь Сидящую» обращаются родственники осужденных и сами осужденные, попавшие под амнистию: их не отпускают. Да, отпустить будут долго – полгода. У многих закончится срок. Надо брать и смотреть не постановление об амнистии, а постановление о порядке применения амнистии, там и сказано – увы, – что нужно еще пройти сколько-то кругов ада, чтобы отпустили. Если, конечно, вы не дочь главы избиркома – знаете же, не отсидев ни дня, под амнистию попала Анна Шавенкова, сбившая в 2009 году в Иркутске двух девушек, одна из них погибла, вторая осталась глубоким инвалидом. Шавенкова не сочла нужным даже подойти к жертвам, а сразу принялась звонить маме, тогда главе избиркома Иркутской области. Компенсацию Шавенкова не выплачивает, срок ей сначала отодвинули, потом сократили, а сейчас и вовсе амнистировали.

А вот, например, в колонии-поселении в Зеленограде (Москва) отбывают наказание 250 человек, из них 48 попадают под амнистию, но сидят. На прошлой неделе начальник КП сказал осужденным, что нет приказа из прокуратуры для применения амнистии. Казалось бы, при чем тут прокурор? А вот читайте внимательно постановление о применении амнистии – там так написано. Нас много, а прокуроров меньше. Они сначала амнистируют «социально близких», а потом – может быть – и до всяких там простых граждан дойдут.

Что можно и нужно с этим делать? Сильно рекомендуем самим осужденным писать короткие ходатайства, можно даже не ссылаться на статьи, примерный текст такой: «Прошу срочно применить в отношении меня акт амнистии и немедленно освободить». Первый экземпляр ходатайства – начальнику исправительного учреж-

Амнистия:

инструкция по применению

дения и параллельно второй (через спецчасть) – в суд. По закону рассмотрение такого ходатайства – три дня, максимум десять. Получив ответ, направляем жалобу прокурору и в суд, подаем заявление на бездействие. Для самых продвинутых: если не отвечает начальник ИУ, немедленно пишите жалобу в порядке гражданского судопроизводства (ст. 254 ГПК) плюс жалобу в Генпрокуратуру.

Родственникам рекомендую покопаться немного в интернете и найти постановление Конституционного суда (от 5 июля 2001 года), в котором говорится, что постановление об амнистии должно исполняться незамедлительно. За свои права человек должен бороться сам, не ждите у моря погоды.

А теперь я расскажу вам, почему еще вас не отпускают. Потому что социально не близкие – это я сказала. Во-вторых, потому что правая рука

понятия не имеет об интересах левой: суды и прокуратуры привыкли держать и не пущать, тогда как у ФСИН нет бюджета кормить и сторожить вас лишнюю неделю, а государство вообще в вас кровно заинтересовано как в рабочей силе и в демографическом подспорье – впрочем, об этом не хотят знать при приеме на работу и при медицинском обслуживании, но это уже другая история.

Так вот: в начале 70-х годов прошлого века служба исполнения наказаний доложила Политбюро о том, что количество лиц, содержащихся в местах лишения свободы, достигло 700 тысяч (примерно как сейчас). И это на весь СССР с 250-миллионным населением. И такое положение вещей было признано катастрофическим – много, слишком много. Было дано высочайшее указание изменить основные принципы государственной уголов-

ной политики – чего сейчас и близко нет, политики этой.

Тогда решили две проблемы (трудовую и демографическую) одним махом: были изменены принципы уголовной политики таким образом, чтобы не сажать новых и освободить уже сидящих, сократив тюремное население и наполнив стройки и предприятия рабочей силой. Был введен новый вид наказания – исправительно-трудо-вые работы (или «химия»). Привлекаемым к уголовной ответственности по ненасильственным и нетяжким преступлениям суды вместо реального лишения свободы назначали условное с обязательным привлечением к труду. Для уже отбывающих наказание было установлено, что при достижении определенного срока в местах принудительного содержания

судами производится замена неотбытой части наказания условным лишением свободы с обязательным привлечением к труду на определенных предприятиях.

Грубо говоря, это и было автоматическое УДО, поскольку при этом не брали во внимание субъективную оценку сотрудников колонии (поощрения, взыскания, твердо или не твердо встал на путь исправления, возместил или не возместил нанесенный ущерб и прочее). Освобожденные люди перевозили свои семьи, создавали новые, рожали детей – нормально жили и еще зарабатывали. За несколько лет количество лиц в местах лишения свободы сократилось практически наполовину: 400 тысяч человек на тот же 250-миллионный СССР. Причем сотрудники сокращаемых колоний тоже не особо постра-

дали, потому что работали там же, где и их бывший контингент.

В отсутствии же единой уголовной политики следствие требует ареста для всех подряд (кроме социально близких), прокуратура требует больших сроков, протестует против УДО, а суды с удовольствием штампуют приговоры и сроки. И всем им нет никакого дела до того, что тюремный бюджет урезан по самое не могу, а стране нужны руки, головы и то, чем делают детей. Вот сейчас депутаты не торопятся принимать закон о зачете срока пребывания в СИЗО с коэффициентом 1,5 (про коэффициент 2 уже и мечтать не приходится). А была бы государственная уголовная политика – приняли бы как миленькие, причем еще несколько лет назад.

Источник: Новая газета

Статистика

За апрель 2015 года в отделениях полиции, СИЗО и ИВС России умерли 18 человек

Такие данные предоставил «Медиа-зоне» проект «Русская эбола».

В отделениях полиции умерли 10 человек, в СИЗО – четыре, в ИВС – три, еще один задержанный умер в служебном автомобиле полиции. Среди погибших 17 человек были задержаны органами правопорядка, один скончался, когда пришел в ОВД забирать задержанного родственника.

Самой распространенной причиной смерти был суицид – шесть человек; от сердечного приступа скончались пятеро, от алкогольной или наркотической интоксикации погибли четыре человека, по одному – от туберкулеза и эпилепсии. Одного задержанного убили сокамерники. Алкогольное опьянение было выявлено у шести человек.

Средний возраст умерших в апреле составлял 40 лет, самому молодому было 20 лет, старшему – 67. Среди скончавшихся было две женщины и 16 мужчин.

Скорая помощь выезжала на все случаи гибели людей. 11 раз сотрудники правоохранительных органов оказывали первую помощь сами, в двух случаях скорая отказалась госпитализировать людей, и они умирали в отсутствие врачей...

...Больше всего смертей зафиксировано в Центральном федеральном округе – семь, в Приволжском, Сибирском и Уральском – по три случая, в Северо-Западном и Северо-Кавказском – по одному случаю на округ, а в Южном, Дальневосточном и Крымском не было ни одного погибшего.

«Русская эбола» – проект журналистки Марии Березиной, посвященный мониторингу смертей задержанных и арестованных в отделениях полиции и изоляторах по открытым источникам. Своим названием проект обязан одноименной статье Олега Кашина.

Источник: «Русская эбола»

Лидер группы «Воскресение» Алексей Романов: «В тюрьме я научился защищать свои права»

«Кто виноват», «По дороге разочарованный», «Солдат вселенной», «Я ни разу за морем не был» – визитные карточки группы «Воскресение».

С 1979 года состав менялся, и многие даже не знают, что в группе играли и основатель «Лицея» Алексей Макаревич, и Павел Смеян, и Константин Никольский... Но лидером группы всегда был Алексей Романов.

Вы – лидер известной и популярной группы, наверно, немало избалованный публикой. Но немногие знают, что помимо звездного Олимпа, огромной популярности, в Вашей биографии есть и места не столь отдаленные... Даже по статистике – каждая третья российская семья имеет родственников, которые когда-либо сидели. Так когда же с Вами сработала русская поговорка - что от сумы и от тюрьмы не зарекайся? В каком году и за что Вы туда попали?

– В 1983 году рок-музыка была объявлена идеологической диверсией, начальство решило припугнуть вольнодумных юнцов, кого-то велено было посадить. За каждой группой велось наблюдение, на концерты вход был платный, и, разумеется, билеты распространялись нелегально. Проще всего было свалить организацию выступлений и распространение билетов на кого-нибудь одного. Выбрали меня. 10 дней в КПЗ подмосковного Одинцова шли допросы, сознаваться мне было не в чем, но следова-

тель областной прокуратуры Людмила Федоровна Травина открытым текстом заявила – я тебя всё равно посажу.

– Было ли попадание туда для вас шоком? Как Вы не сломались, взяли себя в руки? Кто Вам помог не сломаться – с высоты популярности и на такое дно...

– Разумеется, шок. Популярностью я не страдал никогда, но оказаться в клоповнике без предъявления обвинения было унижением. Три дня в

Интервью

одиночке, потом посадили бомжа, который пытался меня прессовать, однажды на допрос вместо Травиной явился её шеф и стал вымогать взятку. Провокации и нарушения процесса, – сейчас легко об этом говорить, тогда было дико и сюрреалистично. Паники не было отчего-то.

– Как вы считаете, это вырванное время из Вашей жизни?

– Потерянное время и здоровье.

– Какой опыт Вы приобрели там? Чему научила Вас тюрьма?

– Как ни странно, хорошим манерам. Не грубить, демонстративно соблюдать гигиену, с сочувствием относиться к людям.

– Написали ли Вы там хоть одну песню? Или совсем тюрьма не располагала для творчества?

– В камере непрерывно с 6 утра до отбоя вопило радио. Я выучил до мелочей «Земля в иллюминаторе».

– Чем Вы там занимались?

– Не знаю, чьим распоряжением, меня из общей камеры (на 60 человек, где содержалось около ста) переселили к рецидивистам, пять «шконок» на один горшок, что было почти комфортом. Игорь Егоров из Марьиной Рощи, из своих 30 отсидевший 17, был за старшего. Умный, талантливый, рукодельник, по его инициативе мастерили игрушки из хлебного клейстера, сбывали надзирателям за анальгин и нитки. Однажды изготовили игру «Монополия», возились неделю, играли дня три. Ещё он сочинял роман из шведской жизни, я рисовал иллюстрации. Коротали время.

– С какими интересными персонажами Вы там столкнулись?

– Как только привезли в Бутырку, поместили в какую-то временную комнату, куда вдруг ввалился страшный жлоб и зарычал: «Иди ко мне, мой сладкий сахар!» Правда, его тут же выволокли. Потом в маленьком боксике со мной оказался опытный товарищ, подробно проконсультировал о местных порядках и обычаях, видимо, так заведено было. В общей камере удивило, что сидят (лежат, по большей части, или ходят))) самые обычные люди, по пустяковым обвинениям. На пиратский корабль не похоже совсем.

Поразила судьба одного «пассажира», вкратце – купил краденый видеомагнитофон, а на допросе следователь так нажал, что товарищ наговорил себе на 12 лет.

– Вы сидели в советское время. Насколько тогда жесткая была система? Били ли там, издевались (как со стороны сотрульников, так и заключенных)?

– Обсуждали это с сокамерниками, бывалые люди утверждали, что Бутырка – самая чистая тюрьма, без насекомых. Ещё рассказывали о «бычьих» и «обиженных» камерах. На моей памяти грубостей и издеватель-

ства не было. Разве что проиграл парнишка в кости 30 приседаний, да не одолел, «включили счётчик», в результате присел раз 300.

– А сталкивались ли Вы там с т. н. красноповязочниками, активистами?

– Нет, я же не был на зоне. До суда содержали в Бутырке, потом ждал апелляции на пересыльной в Серпухове. 10 месяцев провел в казенных стенах.

– Что Вы можете пожелать тем, кто оказался по ту сторону колючей проволоки?

– Желаю мужества, выдержки и чувства юмора. Берегите здоровье.

– Чем любите заниматься в свободное от основной деятельности время? Какую музыку слушаете? Где любите отдыхать?

– Слушаю самую разную музыку, классику, джаз, блюз, этническую. Нравится классическая живопись. Люблю путешествовать, в путешествиях много фотографирую.

Использованы фотографии
Михаила Максимова,
Олега Карганова